

An abstract painting with a rich, textured surface. The background is a mix of deep purple, blue, and green. In the center, there are several circular, swirling patterns in shades of blue and purple. Scattered throughout the composition are small, bright red and yellow dots. On the left and right sides, there are vertical, textured shapes in light green and yellow, resembling stylized trees or buildings. The overall effect is dreamlike and surreal.

СБОРНИК ПРОЗЫ

Александр ТАРНОРУДЕР

**ПРОДАВЕЦ
КРАСОК**

A dark, almost black, rectangular area. It contains several small, bright white stars of varying sizes. There are also some faint, larger, greyish circular shapes that look like nebulae or distant galaxies. The overall effect is that of a deep space or night sky.

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Александр Тарнорудер
Продавец красок (сборник)

«Млечный путь»

Тарнорудер А.

Продавец красок (сборник) / А. Тарнорудер — «Млечный путь»,

...Бывает, что у человека проявляется очень узкий, я бы сказал, специфический талант, как у вас.— И какой же это талант?— Краски. Вы, Влади, Продавец Красок.— Ну да, я продавец красок.— Вы не поняли — продаю кому-то краску, вы с легкостью, можете изменить его судьбу.— И что, по-вашему, я могу человека убить или осчастливить?— Да вы это уже сделали и, поверьте мне, не один раз.— Не поверю.— И тем не менее — это так.— Убил, да? Марио смотрит на меня очень серьезно и отводит взгляд. Он берет бутылку и разливает вино.— Убил, Влади Ильич, — говорит он тихо.

© Тарнорудер А.

© Млечный путь

Содержание

Продавец красок	5
1. Влади	5
2. Инна	30
3. Влади	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Тарнорудер

Продавец красок (Сборник)

Продавец красок

1. Влади

После полосы сплошного тумана мне, наконец, слегка улыбнулось счастье. Всего-то и делов, что взяли меня в Хоум Центр продавцом в отдел красок. До этого я служил там же, только в охране: проверял сумки на входе, обшаривал посетителей магнитометром и приговаривал:

– Оружие есть, господа-дамы?

Оружия у покупателей, как правило, не бывает, а те, у кого оно есть, покорно предъявляют мне пластиковое разрешение. Собственный пистолет висит у меня сзади в кожаной кобуре и доставляет массу неудобств. Главное неудобство – это постоянная забота, чтобы он, не дай Бог, не пропал. Придется тогда заполнять массу бумаг и бланков, давать показания, возмещать компании номинальную стоимость утерянного старья. Самое лучшее – держать оружие в сейфе, целее будет, вот только стоит нормальный сейф побольше, чем моя месячная зарплата. Поэтому я, как настоящий революционер-конспиратор, держу его под подушкой, а туда, куда король ходит без свиты, я хожу вооруженный до зубов, мало ли что может случиться. И, как вы уже догадались, я всегда готов замочить врага прямо в сортире.

Раньше мой пост был на въезде на стоянку, где мне вменялось в обязанность проверять багажники. Что дают такие проверки, так и осталось военной тайной, потому что кроме как «... на предмет подозрительных предметов...», а также весьма сомнительных «случаев из практики» наш офицер безопасности Моше ничего придумать не мог. Зато на еженедельном инструктаже наша полупенсионерская команда неизменно получала лекцию о «контурах безопасности», в которых багажники служили внешним контуром, а магнитометр – внутренним. Но я недолго пачкал руки на внешнем контуре, всего через месяц из-за текучки кадров меня приставили к магнитометру. Моему молодому коллеге Виктору повезло меньше – он стоит на стоянке в жару и в дождь уже больше года. Вот так, уже привык называть Витю «моим молодым коллегой», а ведь он лет на десять старше меня, но поскольку его стаж в компании на полгода меньше, то он по универсальным «дедовским» правилам считается «молодым», и пост его поганей моего.

– Виктор, сам подумай, – утешаю я его, – для такого прибора им нужен по крайней мере кандидат наук.

В соответствии с местными порядками я, однако ж, доктор философии, поскольку степени кандидата здесь не имеется. Ясное дело, моя прежняя работа не имела ничего общего с магнитометрией. Я двадцать лет занимался разными пневмо-штучками для подводных лодок и даже диссертацию защитил, закрытую, естественно. А чтобы тему доступно (и не выдавая гос. тайну) вам разъяснить, то называлась она примерно так: «Усовершенствование и надежность редуктора газового высокого давления со шпильчным клапаном».

Кстати, позвольте представиться: Шпильман Владимир Ильич. Понятно, что сотрудники КБ ласково называли меня «наш Ильич». В земле же обетованной меня сократили до Влади. Чего греха таить, я лелеял надежду продать своим новым сионистским друзьям абсолютно все, что я знаю про свой редуктор высокого давления со шпильчным клапаном. Совершенно

бескорыстно, только чтобы за приличную зарплату быть полезным военно-подводным силам новой родины. Но то ли еврейские подводники и сами уже все прознали про редуктор, то ли клапана у них не той системы, но покупать секреты доктора Шпильмана В.И. никто не спешил, и пришлось переквалифицироваться в работника охраны, где у меня есть достаточно времени пофилософствовать.

– Влади! Влади! – разнеслось по селектору на весь огромный ангар. – Зайди к Марциано! Влади – к Марциано!

Я оборачиваюсь и ищу глазами Бориса. В отсутствие офицера безопасности мы с Виктором подчиняемся Борису, как старшему по стажу. По правилам он должен стоять у входа вместе со мной, но Борис на правах «деда» позволяет себе разные вольности типа прогуляться по прохладному залу, и не спешит занять положенное ему по расчету место на внутреннем контуре обороны.

Марциано – наш бог и царь. За глаза его кличут Марципаном: этакий сладенький, блестящий, словно покрытый глазурью, пухленький и лысенький колобок на коротких ножках, заправляющий нашим филиалом. Формально мы не подчиняемся Марциано, но стоит ему лишь приподнять выцветшую бровь, как любой из нас тотчас же вылетит с работы. Я вижу, что он стоит и наблюдает за мной из-за стекла своего кабинета под крышей. Ждать Марципан не любит, а Борис лениво бредет по проходу, останавливаясь и заговаривая с сотрудниками. Мне ничего не остается, как преступно оставить пост, подойти к центральной кассе и поднять трубку селектора:

– Борис, тебя ждут у входа! Борис, подойди ко входу!

– Слышал! Не ори! – хамит он, понятно, не по селектору, а по внутренней связи. Нам обоим ясно, что мое объявление на весь зал – исключительно для босса.

Я торжественно, как переходящий кубок, всучаю Борису магнитометр и рысцей бегу к антресоли Марциано. Все знают, что он любит, когда его подчиненные входят в кабинет запыхавшись после подъема по крутой и гулкой железной лестнице.

– Доброе утро, – бодро рапортую с порога, стараясь удержать дыхание.

– Утро... утро, – бормочет он и кивает в сторону стула, – кофе хочешь?

– Спасибо, – я знаю, что Марципан любит хороший кофе.

Колобок отталкивается от стола и, не вставая, катится на кресле в кофейный уголок, а я принимаюсь потихоньку осматриваться. Свет горит только над столом, а в дальних углах, заваленных коробками, сумрачно, как на складе. Мощный кондиционер дует прямо на меня, и минуты через две мне становится холодно. Вспоминаю сплетни про Марципана, который заывает к себе в холод девочек в легких маечках и держит до полного посинения, вернее, в расчете на другие реакции нежного девичьего организма. Окна в каждой стене позволяют видеть почти любую точку нашего ангара – отмечаю про себя, что об этом надо постоянно помнить.

– Тебе покрепче?

– Ага.

– Ну и правильно, а то это не кофе. Молока?

– Нет, спасибо.

– Правильно, ты не настоящий ашкеназ.

Я хмыкаю, беру кофе и снова благодарю. Неясно, чего ему от меня надо: Марциано редко собственноручно готовит кофе, обычно гоняет по лестнице секретаршу Нурит, которая сидит внизу.

– Печенье хочешь? С кокосом.

Я не люблю печенье с кокосом, но отказываться неудобно. Марципан катится обратно к своему столу.

– Ты что знаешь о красках? – спрашивает он меня.

О красках я знаю только то, что они противно воняют и пачкаются, но, спросите любого консультанта по набору раб. силы, такой ответ был бы концом любого интервью. А тот факт, что я попал к Марципану на интервью, у меня теперь не вызывает никакого сомнения. И мой ответ должен быть позитивным, лаконичным и быстрым, а смыслу в нем быть не обязательно.

– У нас есть большой выбор отличных красок на любой вкус и для каждого покупателя, – отвечаю я бодро, нахально и достаточно быстро.

Несмотря на то, что я никак не работник Хоум Центра, я делаю упор на «у нас», как бы причисляя себя к общему делу торговли хозтоварами, которое я всего лишь охраняю. Марципан шумно отхлебывает горячий кофе и смотрит на меня с интересом.

– Ты интеллигентный молодой человек, – произносит он.

В переводе это означает: «Оказывается, этот старый хрен еще способен что-то соображать». Я жду продолжения.

– Шмулик уходит, – Марципан, щурясь от напряжения, делает попытку разгрызть кокосовое печенье и бросает его в корзину для бумаг. – Ты знаешь Шмулика? – задает он риторический вопрос.

Ну кто в нашем небольшом городке (так и хочется назвать его уездным городом N) не знает Шмулика из Хоум Центра, ведь он – вылитый Дуду из рекламы: средних лет лысоватый мужичок в белой майке и красном комбинезоне. Шмулика, которого покупатели «узнают» и братски хлопают по плечу, за которым табунами бегают дети и фотографируются с помощью мобильного на фоне картонной рекламы Дуду.

– А что такое? – осторожно спрашиваю я.

– Семейный бизнес, – Марципан бросает в корзину бумажный стаканчик с недопитым кофе и снова обзывает меня интеллигентным молодым человеком. – В общем так, я хочу, чтобы ты заступил на его место...

В моей голове мгновенно проносится целый вихрь: это значит, что я попаду в штат Хоум Центра; это значит, что у меня будет больше зарплата, а если дела пойдут хорошо, то и какие-никакие бонусы от продаж; это значит, что я буду работать одну смену в день вместо своих обычных полутора; это значит, что у меня появятся хотя бы минимальные социальные условия. А если одним словом, то вместо полуроба я стану человеком – мечта каждого охранника на птичьих правах. И, может быть, я смогу, наконец, купить машину, чтобы по субботам не сидеть дома и зависеть от чужой милости.

– Получать пока будешь, сколько сейчас, а потом – как дела пойдут, – диктует Марципан. – Они этого не любят, – он подразумевает мою компанию по охране, которая не дает работникам поступать на работу в места, которые они охраняют. – Но ты мне нравишься.

Я все еще молчу, я хорошо знаю непостоянство Марципана под его гламурной оболочкой.

– Согласен?

– Согласен... – выдавливаю из себя ответ и все еще не верю своему счастью.

Марципан нажимает кнопку на своем телефоне и нетерпеливо слушает гнусавую мелодию давно надоевшего шлягера.

– Моше, – приказывает он моему офицеру безопасности, – я беру Влади к себе. Приведи завтра с утра кого-нибудь другого.

– Яков, ты что, с ума сошел!? Кого я тебе достану за один день? Вот прямо завтра утром? Ну дай хоть до конца недели, у меня и так проблемы.

– Да не интер-ресуют меня твои пр-роблемы! – рычит Марципан и демонстративно отключается.

– Иди, поработай еще день на этого бандита, – кивает он мне, – а в обед зайди к Вики – она тебя оформит. Испытательный срок – три месяца, не потянешь – сам виноват. Шмулик тебя натаскает, не хуже него будешь. Иди...

Марципан делает хорошо известный жест рукой, выдворяя меня из кабинета. Но мне не до обид, ведь он взял меня к себе на работу. Несмотря на холод, по позвоночнику течет струйка пота. Я медленно спускаюсь в зал и бреду в туалет плеснуть себе на лицо воды. Тепловатая вода не освежает. Из зазеркалья на меня смотрит потная и красная рожа с кривой усмешкой и всклокоченной шевелюрой. Волосы пепельные, глаза слегка монголоидные, но добрые (Ильич все же), щеки едва заметно обвисли, лишь подбородок остается волевым. Раз за разом набираю полные ладони воды и брызгаюсь во все стороны, как отряхивающийся спаниель.

Казенная белая рубашка вся в мокрых пятнах. Ничего, думаю, просохнет на жаре минут за десять. Теперь надо стереть с лица эту проклятую ухмылку и спокойно сообщить новость «ребятам». На посту меня встречает полный состав нашего охранного батальона – Боря и Витя.

– Задал тебе жару Марципан? – участливо спрашивает Борис, оглядывая мокрую рубашку.

Я собираюсь с духом и выпаливаю:

– Он берет меня в штат.

На лицах моих приятелей читается недоумение и зависть.

– Кем?

– На краску, вместо Шмулика.

– Поздравляю! – Виктор протягивает мне руку. Он явно радуется, если не за мою удачу, то освободившемуся месту на внутреннем контуре обороны. Виктор лелеет надежду перебраться со въезда на стоянку ко входу в наш ангар.

Борис откровенно завидует, считая, что по праву «деда» место должно принадлежать ему. Непонятным образом новость разлетается по залу, подходят с поздравлениями мои новые сослуживцы. Ко мне хорошо относятся, особенно женщины, из-за расписания автобуса я прихожу до открытия и никогда не отказываюсь помочь передвинуть коробки или что-нибудь перетащить. Рот у меня до ушей, я стою у входа в Хоум Центр с магнитометром, как Статуя Свободы с факелом. Редкие покупатели улыбаются, здороваются со мной, как со старым знакомым, и без напоминаний протягивают сумки и рюкзаки для проверки. После года, проведенного у входа в хозмаг, я, как бабка на лавке, могу всласть посудачить обо всех.

Как, спросите, мне это удастся? Да очень просто. Я-таки имею, как говорят в Одессе, замечательный вид на стоянку. А по поведению граждан уездного города N на стоянке я многое могу о них рассказать. Места всегда хватает на всех – еще не было случая, чтобы огромное пространство было забито под завязку. Большинство сразу отправляется на гарантированно свободные места, но некоторые просто обязаны досконально проверить ближние ряды. Но есть и такие, что долго ждут, чтобы освободилось место прямо у входа – они считают ниже своего достоинства пройти лишние метров сто – лучше прождать полчаса. Кто-то всегда стремится идти впереди... кто-то придерживает дверь для своей спутницы... кто-то возвращается к машине от самого входа, чтобы еще раз дернуть ручку запертой двери... кто-то бросается за первой же тележкой, несмотря на то, что тележек тоже всегда хватает на всех...

Но интереснее всего поведение обладателя места. Пробовали засечь время, которое требуется, чтобы покинуть стоянку у магазина с момента открытия двери машины? Я-то пробовал – в среднем секунд тридцать: двигатель завести, ремень пристегнуть, но если в это время кто-то другой ждет, пока освободится место, то, представьте себе, товарищ будет копать побольше минуты! Он сполна насладится самим фактом, что кто-то ждет его монаршего волеизъявления это место покинуть, и совсем не торопится.

В обед я проглатываю дежурную питу, даже не заметив, что в нее запихнула моя жена Инна, и бегу к Вики оформляться. Она терпеливо объясняет, что и где писать. Завидев мою докторскую степень, она недоверчиво спрашивает:

– Диплом небось купил?

– Зачем купил? Подарили! – отвечаю я переводом на иврит старого мохнатого анекдота, стараясь оставаться серьезным как можно дольше.

Это всегда хорошо действует – первые секунды человек в шутку не врубается, но потом начинает понимать, что его разыграли, и недоверчиво улыбаться. Реакция Вики так и остается при ней, потому что в этот момент моя рация оживает: Виктор сообщает со стоянки о приезде Моше.

– Потом-потом, – машу я Вики рукой.

Я вылетаю из подсобки и несусь во весь опор на пост. Еще не хватало, чтобы Моше меня там не обнаружил – вполне может не заплатить мне за сегодняшний день. Спасибо Вите, успеваю вовремя. Как и ожидалось, начальник наш находится в весьма разъяренном виде.

– Пойдем поговорим, – кивает он мне в сторону стоянки.

Мы садимся в его машину, стоящую у входа на месте для инвалидов.

– Твою! Душу! Мать!! – произносит Моше на чистом русском языке без акцента и с падежами.

Я раскрываю рот: оказывается, этот тип понимает по-русски. Продолжение, однако же, следует на арабском, где к маме по традиции присоединяются сестры, которых у меня никогда не было. Затем Моше переходит на родной иврит, поминая всех чертей. До меня, наконец, доходит, что он виртуозно владеет только одной ключевой фразой про душу-мать.

– Ты не знаешь Марципана! – вопит Моше и бьет зачем-то руль. – Это такая сволочь! Он эксплуатирует своих работников! Он за всеми следит и записывает, только чтобы лишнего шекеля не дать.

Ого, думаю, а ты, ягненок беленький, никого не эксплуатируешь? Держишь всех по две смены, платишь минимальную зарплату без надбавки за дополнительные часы, пенсии и в помине нет, и еще считаешь себя благодетелем. И в бухгалтерии каждый раз найдут, что вычесть по мелочи.

– Он к девкам пристаёт, он сексуальный маньяк! Ты его совсем не знаешь, а я знаю, ты от него взвоешь через месяц, а у нас тебе хорошо, у тебя перспективы.

– И какие, – интересуюсь, – перспективы? – Я вижу, что Моше слегка занесло, но он, нисколько не смущаясь, продолжает гнуть свое.

– Я всегда к вам хорошо относился (он сделал едва заметную паузу перед «вам»). Неблагодарные вы все! Обратно проситься придешь, а не возьмем. Мы добро помним, но и предательства не забываем.

Мне становится весело – точь-в-точь реакция моего бывшего заведомо на мой отъезд в Израиль.

– И кого же я предал?

– Ты по договору две недели должен отработать, да Марциано за тебя так просил, только что в ногах не валялся, это я ему одолжение делаю, а не тебе. Ты это понимаешь?

– Угу, – я вспоминаю рык Марципана и прилагаю все усилия, чтобы не расхохотаться. Договора никакого у меня нет – лишь листок учета кадров да разрешение на оружие.

– Пристегнись! – командует Моше, – поедem!

– Куда?

– Совсем тупой? Оружие надо сдать лично! Не понимаешь?

Моше хамит, но я стараюсь не обращать внимания. Он рвет с места с визгом резины и вылетает со стоянки под клацанье заградительных шипов. Всю оставшуюся дорогу Моше, выпустив пар, молчит, а я счастлив, что расстанусь, наконец, со своей выдавшей виды весьма поцарапанной пушкой. Не люблю оружия. Правда, из пистолета я стреляю на удивление хорошо. Еще в институте я выбил двадцать шесть из тридцати, в первый раз взяв в руки Макарова: две десятки и шестерка. Майор Пащенко не поверил и выдал мне еще три патрона сверх

нормы. Результат был чуть хуже – десять-восемь-семь, но все равно я был на втором месте после стрелка-разрядника с его двадцатью девятью.

В характеристике с военной кафедры мне написали так: «Характер замкнутый, малообщительный.» (Так и хочется сказать: нордический стойкий). Ну как же, надо же держать рот на замке, а то тов. Брежнев коллекционировал на Колыме анекдоты про себя любимого. Но поскольку я настрелял двадцать шесть, то даже на военной кафедре скрепя сердце написали: «Из личного оружия стреляет отлично». В израильском тире, где очков не начисляют, а главное кучно попасть в поясную мишень, меня тоже похвалили – попадаю.

Пока едем, вспоминаю почему-то этого Пашенку – украинского детину под два метра ростом с круглой и красной от пьянства рожей, ходячий анекдот про майора с военной кафедры. А сейчас мне приходят на память два эпизода с Пашенкой. Мы первый год «на военке», и нас постоянно дрючат шагистикой. Сильно воняя утренним перегаром, майор личным примером показывает нам, как надо тянуть носок – он, стоя на левой ноге, под углом сорок пять градусов тянет правую. Застыв, как статуя майора, тянет уже минут пять, так что смолкают в рядах смехуечки, и все группы, пардон, взводы, затаив дыхание смотрят, когда же дрогнет в оттянутом носке майорская нога. Пашенко простоял целых одиннадцать минут до звонка.

А второй эпизод был уже в лагерях: кто-то из нас, курсантов, пожаловался, что его Калашников не пристрелян и ни к черту не годится. Пашенко молча взял калаша, поднял его на одной вытянутой руке, как игрушку Макарова, вбил новый рожок с патронами и срезал короткими очередями все три мишени.

– Почисть. Вечером под лупой проверю: найду грязюку – урою, а не дам советское оружие позорить.

Представляю радость Инны, что в доме больше не будет «этой гадости».

* * *

Следующее утро, пока не объявился мой знаменитый наставник, начинается как всегда – передвинь-принеси. Только вместо белой рубашки и желтого жилета с надписью «безопасность» на мне красный комбинезон и белая майка Хоум Центра. Перво-наперво Шмулик командует:

– Беги за тортом!

– Каким еще тортом?

– Ореховым, Марципан с орехами любит. Да скажи там, что это для него – и скидку сделают, и лежалый не подсунут.

– Он, что, тортами берет?

– Пригласи в обед всех сотрудников на торт, так принято, а Марциано намек поймет.

В первый день я стараюсь держаться поближе к Шмулику, потому что учиться выживать мне надо практически с нуля. Три года, что я проработал «среди русских» – не в счет. К вечеру я в полном отчаянии: соглашаясь на эту работу, я совершенно не представлял, с чем мне придется столкнуться. Шмулик ведь не просто продавец – он проработал ремонтником лет тридцать, он не только помнит наизусть всю номенклатуру материалов, что мы продаем, но и прекрасно знает, как и с чем работают. Его спрашивают, где находится та или иная банка, а он в ответ: «Что уважаемый господин собирается с ней делать?» Слово за слово, и уважаемый господин вытаскивает из магазина тележку, наполненную доверху всевозможными товарами и кучей инструментов. Вдобавок, мой блокнот с устрашающей скоростью заполняется незнакомыми словами, значения которых я не знаю ни на одном из доступных мне языков. Печенку начинает грызть червяк: а не напрасно ли ты, Шпильман, затеял всю эту игру в коммерцию?

Стоял бы у входа, вспоминал бы свой редуктор со шпилечным клапаном и не искал приключений на собственную ж...

По утрам покупателей мало. Дела оживляются в обеденный перерыв и вечером с пяти до девяти. В оставшееся время мы трепемся, и Шмулик немного рассказывает о себе. Киббуцник с севера, служил в армии в боевых частях, после ранения остался на базе заниматься мелким ремонтом – в киббуц возвращаться не хотелось. Его стали нанимать бывшие сослуживцы и их знакомые, и постепенно дело пошло. Когда во время последнего кризиса работы не стало, пришлось идти искать убежище в Хоум Центр. Узнав Шмулика чуть поближе, я понял, что копирайтер, придумавший рекламу «Спросите Дуду из Хоум Центра» – просто гений. Он апеллирует к давно ушедшему прошлому, к ностальгическим временам, когда ни у кого ничего не было, кроме пары трусов да застиранной рубашки, и не запирали двери, и еще совсем не стальной, но уже не молодой киббуцник готов протянуть руку оттуда в современный мир капитала и наживы, где каждый еврей стремится обкузывать рядом стоящего товарища. Дуду во всем разбирается, Дуду готов помочь, Дуду готов объяснить, Дуду – свой парень из киббуца, который не обманет.

К счастью для меня, Шмулик согласился поработать еще месяц. Он рассказывает мне всю подноготную Хоум Центра. Никогда бы не подумал, что у нас можно получить скидку, то есть я за красивые глаза могу скостить вам процентов пять, чтобы не ушли без покупки. В этом весь смысл, чтобы не ушли без покупки – решив купить какую-нибудь мелочь, вы почти наверняка добавите к ней еще и еще.

– Время от времени Марципан будет просить тебя сделать заказ для своих знакомых – не отказывайся, – Шмулик смотрит в сторону, – в этом и состоят правила игры.

К концу месяца я выучиваю все нужные слова, и отличаю краску для внутренних работ от краски для внешних. Я могу помочь выбрать кисти или валик, разбираюсь в грунтовке и штукатурке, и могу убедительно разъяснить, что растворители не стоит принимать внутрь. Мои друзья дружно интересуются ценой побелки, олифы и купороса, но я не обижаюсь – они еще придут ко мне на поклон, когда соберутся делать ремонт. А вообще, отдел красок – самый скучный отдел нашего магазина, сюда не заходят просто так поглазеть на товары, если только на Шмулика, которому слава Дуду поперек горла. Сюда заходят исключительно по делу.

Может показаться странным, но у меня довольно много свободного времени, чтобы учиться уму-разуму. Практически с первого дня я нахожу себе культовый предмет поклонения – это ВЕЕР. Веером называется каталог цветов, сотни полосок ламинированной бумаги, скреплены вместе и раскрашены всеми цветами радуги. Каждый оттенок имеет свой номер и название. Названия до того романтические и вычурные, что хочется заплакать: Aegean Sea¹, Amber Light², Autumn Sky³, Avant Garde⁴

Можно продолжать бесконечно. Каталог цветов завораживает, как завораживают неизведанные страны. В свободное время я люблю перебирать веер, названия оттенков, как названия городов и весей, играют воображением. Особенно много голубого: Blue Emotion⁵, Blue Lullaby⁶, Blue Madonna⁷.

¹ Эгейское море

² Янтарный свет

³ Осеннее небо

⁴ Авангард

⁵ Голубая эмоция

⁶ Голубая колыбельная

⁷ Голубая мадонна

В самом конце натываюсь на Хегхес⁸ Blue, подумать только! Попробуйте «загуглить» слово Хегхес. Попробуйте, ей-Богу, не пожалеете! Найдете «Ахашвероша» – да-да, того самого злобного пуримского персонажа. Я снимаю шляпу перед гением всех времен и народов, который сумел такое выдумать: «Цвет ахашверошевый синий!!»

Моя фантазия играет: я представляю себе голубые мантии восточных султанов и персидских королей, сидящих прозрачным утром у бассейна, от поверхности которого отражаются голубые туники прекрасных дев. Для меня звучит музыка красок: Moody Mist⁹, Emerald Garden¹⁰, Exotic Bloom¹¹, Winter Twig¹².

Я погружаюсь в сказочный выдуманный волшебный мир, из которого меня выдергивает Шмулик – начинается очередная лекция, или к нам в отдел забредает случайный покупатель. Случайный, потому что сами граждане евреи стены красить желают все меньше и меньше, а подрядчики покупают краски в оптовых магазинах, где получают скидки побольше нашей. Даже Шмулик-Дуду иногда за целый день ничего не может продать.

Мы сидим напротив отдела инструментов. Инструменты – это не краски, туда заходят просто так, поглазеть, как и в отдел автопринадлежностей. Сохранился еще реликтовый вид мужика, который тянется делать все своими руками, кто любит хороший инструмент, готов полезть за него в минус в банке, а то и своровать какую мелочь. Шмулик все видит, но предпочитает закрывать глаза, он вообще какой-то странный тип не от мира сего: скорее христианин, чем еврей. Он готов простить всех и вся, даже когда воруют кисти из его отдела. Нас постоянно, на каждом собрании, призывают бороться с воровством. Я тоже всегда стесняюсь подойти к спрятавшему какой-нибудь мелкий предмет воришке и призвать его к порядку. Но однажды меня осеняет: я вижу, как неприкрыто суют в карманы отвертки, и когда вор подходит к кассе, я громко, на весь Хоум Центр, кричу по селектору: «Работник безопасности, подойдите к четвертой кассе!» Виктор в белой униформе и желтой жилетке, помахивая магнитометром, приближается к месту действия. У вора нервы не выдерживают, и он выкладывает кассирше упрятанное без всякого скандала или напоминания. Марципан на собрании хвалит нас за находчивость. Подается это примерно так: «Русская мафия борется с воровством».

Неотвратимо приближается день, когда меня покинет Шмулик, и я останусь один на один с дошлым израильским покупателем, которому важна не цена, а скидка, и сознание того, что он хоть по мелочи, но урвал что-нибудь на халяву. Я уже вы зубрил все названия на банках и научился пользоваться раздвижным лифтом, потому что этого требует техника безопасности. Я знаю, как привести в действие машину для смешивания красок, подключенную к компьютеру. Закажите у меня все, что угодно, и через пару минут сбудется ваша мечта: Slight Embrace¹³, Spring Song¹⁴, Silent Bliss¹⁵.

Мои первые персональные клиенты появились в тот день, когда Шмулик взял отпуск, и я остался в лавочке один. В ангар вошли трое и решительно направились в моем направлении. Мое сердце радостно подпрыгнуло. То есть, это совсем-таки не избитый оборот речи – я действительно чувствую охотничий азарт в тот самый момент, когда ко мне приближается верная добыча. Я уже кое-что понимаю в клиентах и определяю для себя эту троицу так: молодая

⁸ Ахашверош

⁹ Угрюмый туман

¹⁰ Изумрудный сад

¹¹ Экзотический цветок

¹² Зимняя веточка

¹³ Легкое объятие

¹⁴ Весенняя песня

¹⁵ Тихое блаженство

пара, снявшая сильно запущенную квартиру, и работник, которого они по дешевке наняли что-то наспех подремонтировать. Логика такова: серьезный ремонтник сам купит и привезет все материалы, у него есть деньги, и задаток он берет лишь для того, чтобы заказчик не отказался. А у нанятого на улице арабского хлопца денег нет, и доверить их ему бояться, поэтому приходится идти с ним в магазин и все покупать.

– С добрым утром, – ласково встречаю я своих первых покупателей, пляясь на три кольца, торчащие из пупка высоко над линией розовых штанов, – чем могу служить?

– Он скажет тебе, что ему надо, – кивает на парня, – а мы краску пойдем выберем, каталог есть?

– Держите, – протягиваю им свою любимую игрушку – веер.

– И можно выбрать любой цвет?

– Конечно.

– Без дополнительной стоимости?

– Да, я могу изготовить любой выбранный оттенок на месте без дополнительной оплаты. Смотрят на меня и пытаются сообразить, где подвох.

– То есть мы не можем просто купить закрытую банку с понравившемся цветом?

– У нас есть несколько базовых цветов, а остальные мы смешиваем вон в той машине.

Мне достаточно кода, чтобы ввести в компьютер, а машина сама сделает остальное.

Мой честный вид и прямой взгляд убеждает их, что все чисто, никакого надувательства. Девушка уже занялась веером, перебирает лепестки цветика-семицветика, то есть тысячецветика. Я поворачиваюсь к работнику и спрашиваю, что ему надо. Судя по списку, он свое дело знает – заказывает полный набор материалов для мелкого косметического ремонта квартиры: очистить, заделать, покрасить.

– Орли, не все ли тебе равно, какой цвет? По мне, так пусть белый будет, – не прошло и трех минут, как у парня кончилось терпение.

– Раз уж та же цена, то хотелось бы выбрать для бабушки что-нибудь покрасивее, белый ей будет напоминать больницу.

– Да ладно тебе, врач сказал, что ей месяца три-четыре осталось.

– Слушай, братишка, тебе жалко? Не можешь старушке спокойно дать умереть, а потом уже деньги делить? Нас наследников всего трое...

– Какой там трое! Ладно еще, что она только внукам дом завещала, так расплодилось-то сколько!

– Орен, ты что, совсем дурак? Ты завещание только что читал!

– Ну, читал. И что?

– А то, что она завещала внукам, живущим в Израиле. А тем, кто уехал – нет.

– Да ты что!? Не может быть!!

– Адвокату позвони. Или звонка жалко?

– Ну... дела!.. И как это я не понял.

– Я уже узнавала в муниципалитете: на участке можно построить дом на пятнадцать квартир, это значит, с подрядчика можно потребовать шесть. Ты только представь – по две новые квартиры в центре.

– Это ж... по полмиллиона на каждого, а то и больше. – Орен со страстью чешет подмышку. Одет он по летней израильской моде в белую майку со штрипками и мятые шорты до колен со множеством оттопыренных карманов. На ногах огромные кроссовки, а на голове бейсболка с лого последней моды.

Эх, думаю, Достоевского бы сюда, только вот помер давно Федор Михайлович, да и не поехал бы он в Израиль – нет в нашей стране легальных казино. Я заканчиваю со списком и подхожу к Орли.

– Grandma's¹⁶, – говорю я ей и показываю нужный лепесток. – Хороший цвет. – Я беру лепесток и прикладываю его к ее розовым штанам, – видите, тот же самый оттенок.

– Уалла-а!! – вопит Орли в восторге, – как ты угадал!? Я на него с самого начала смотрю, только вот сомневаюсь, не будет ли слишком темный.

– Будет светлее, чем кажется здесь, это из-за освещения.

– Давай, гони! – решает Орли, и сразу же направляется к выходу из отдела, – а я сделаю кружок, осмотрюсь.

Она оставляет брата надзирать за приготовлением краски, а я забираю свой веер и иду к машине.

– Сколько надо? – спрашиваю.

– Большое ведро, двадцать килограмм.

– Много, останется же, – вступает Орен, – ты говорил, что всего пятнадцать надо.

– Надо, чтобы осталось, а то при смешивании никогда не получается то же самое.

Хлопец прав, не получается.

– Надо, – подтверждаю, – если еще подкрасить когда понадобится, то будет запас.

– Да не нужен запас, это так... на время, пока... (Пока бабанька не помрет, – мысленно заканчиваю за него фразу.)

– Знаешь, вообще-то у нас не принято, но я сделаю тебе скидку в три процента.

– На краску?

– На все, ты много купил, – делаю паузу, – только для тебя.

– Ладно, давай двадцать, – соглашается Орен, – только побыстрее, а то мы спешим, нам еще в больницу ехать.

Я подхожу к машине и с важностью жреца начинаю священнодействовать: набираю в компьютере код 6133P, соответствующий Grandma's. В ответ получаю набор ингредиентов. Их всего два, но лезть надо на самую верхотуру. Приходится идти за лифтом в другой конец зала. Примадонна Шмулик по селектору потребовал бы доставить лифт к нему, но мне до такой наглости еще далеко. По дороге встречаю Орли, заполняющую другую тележку разными мелочами.

– Что, уже готово? – разочарованно спрашивает она.

– Нет, я за лифтом, займет минут десять-пятнадцать.

– Ты не спеши, – Орли покровительственно хлопает меня по плечу, как обычно хлопают Шмулика-Дуду, – я еще не закончила.

Орен в мое отсутствие раздраженно ходит по отделу кругами. Медленно, чтобы никого не задеть, еду в передвижной люльке обратно к себе. В окне под потолком замечаю силуэт вечно бдящего Марципана. Еще через десять минут все готово, и, наскоро обтерев руки (краска-таки воняет и пачкается), я возглавляю маленькую процессию в кассу. Чтобы клиент получил обещанную скидку, я должен лично уведомить кассира и дать ему свою еще девственную пластиковую карточку. Орли со своей тележкой направляется для быстроты к другой кассе.

– Алло-алло! – останавливает ее Орен. – Иди сюда!

– Ну что еще?

– Я получил скидку! Три процента! Мы же вместе, может, тебе тоже полагается.

– Эй, – это он мне, – как насчет скидки и для нее?

– Конечно, – я расплываюсь в улыбке, – такой красивой девушке еще и не то полагается, – делаю ей знак встать за братом в ту же кассу.

Орли цветет, Орен преисполнен сознания собственной значимости – покупательская идиллия. А если посмотреть на ситуацию с точки зрения продавца, то по отношению к своим коллегам я сделал довольно-таки грязный трюк (уроки Шмулика не прошли даром) – вся сумма

¹⁶ Grandma – Бабушка

покупок Орли будет из-за скидки записана на меня вне зависимости от того, из какого закоулка Хоум Центра она это выудила. Для утра буднего дня мой улов весьма не плох – больше тысячи.

После расчета Марциано останавливает Орли у центральной кассы и вручает ей красный купон на пятьдесят шекелей, действующий только в нашем отделении.

– Спасибо, что купили в Хоум Центре! Приходите к нам еще!

Придет, думаю, никуда не денется. За халявные полсотни – хоть на край света.

– Молодец, хорошее начало, – хвалит меня Марципан. – Только не думай, одна удачная сделка еще ни о чем не говорит. Иди, продолжай в том же духе.

– Делаешь успехи? Ну-ну... – Борис поворачивается и бредет в сторону опостылевшего поста у входа в ангар. Я провожаю взглядом его долговязую фигуру. Он до сих пор считает, что я перешел ему дорогу, и не может простить.

Когда я возвращаюсь обратно в отдел, от моего возбуждения не остается и следа. Я принимаюсь отмывать смеситель от краски. Адреналин из моего организма давно улетучился, и я, протирая насухо машину, вспоминаю свой редуктор высокого давления со шпильчным клапаном, который, несмотря на все испытания на надежность и бесконечную наработку на отказ, лишь возмущенно шипел в ответ сжатым воздухом.

Через неделю мы провожаем Шмулика. Вечеринка за счет Хоум Центра роскошью не блещет: на составленных столах батарея всевозможных легких напитков и озябшие за день утренние бурекасы¹⁷.

Шмулик приносит домашний пирог, от которого в считанные минуты не остается ни крошки. На столе появляется одинокая бутылка белого вина, но пьют мои сотрудники слабо, так, дежурный «лехаим» в честь Шмулика. Народ устал и откровенно ждет сигнала разойтись по домам. Вики, запинаясь, читает по бумажке стихотворное посвящение собственного сочинения с потугами на юмор, где обыгрывается образ Дуду. Шмулик кисло и натужно улыбается. Нурит вручает ценный подарок: вычурная ваза, которой дитя малое может испугаться в темноте, но Нурит очень гордится наклейкой модного магазина. Поднимается Марциано, а я думаю про себя: «Сейчас мы окончательно подохнем от скуки.»

– Знаешь, Шмулик, – просто и без затей говорит Марципан, – нам будет тебя не хватать. Мне очень жаль, что ты от нас уходишь, но я тебя понимаю – лучше работать с сыновьями, чем на чужого дядю. Дай тебе Бог удачи во всех твоих делах, а если что, помни – наша дверь всегда для тебя открыта. Я хочу попросить тебя об одном последнем одолжении: давай мы все сфотографируемся на память.

Весь наш небольшой коллектив как будто очнулся от спячки: стащили в одно место все картонные чучела Дуду, чтобы сниматься среди них. Среди Дуду-леса девочки обнимают имперсонатора Дуду Шмулика. Марципан щелкает камерой. Когда веселье и децибелы достигают апогея, Марципан кивает мне головой, мол, поснимай теперь ты. Я беру у него фотоаппарат, а сам он жадно бросается в гущу событий обниматься с девицами.

С завтрашнего дня отдел красок становится моим безо всяких скидок.

* * *

Когда из Москвы попадаешь прямо в уездный город N, то испытываешь довольно странное чувство: «...Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря...» Почти про нас сказано. Почти, потому что верно лишь про море и про провинцию, а насчет империи... Ну как бы получше выразиться: если судить по времени, уделяемому нам в мировых новостях, то мы – несомненно империя. А поглядишь на наших, не к ночи помянуть, народных избранников – им и бананы собирать не доверишь. В первое время у нас было

¹⁷ Пирожки с различной начинкой

довольно сильное ощущение попадания в глухую провинцию (только море и спасало), а потом это чувство как-то ушло. Ушло исключительно благодаря Инне: она как в Москве мышей резала, так здесь и продолжает. Лаборатория у них «для тех, кому за сорок», и коренному населению лучше туда не соваться – скормят крысам и морским свинкам. Но не спешите ухмыляться, потому что лаборатория-то принадлежит всемирно известному концерну, и если их акция совершает какой-нибудь замысловатый кульбит в Нью-Йорке, то тянет за собой всю израильскую биржу. И зарплата у Инны, может, и не по высоким технологиям проходит, но квартальные премии и бонусы – как из пушки. У нее даже опции есть, целых сто штук, и я с некоторых пор стал весьма-таки ревниво следить за поведением нашей «народной акции» – как она на доллар упадет, так я наглядно вижу, что у моей будущей машины открыли колесо.

В Москве мы не были знакомы даже с соседями по подъезду, а теперь мне кажется, что я знаю всех жителей нашего славного города N. Статистика о количестве пропавших без вести москвичей всегда была закрытой темой, да и кого волнует, что товарищ М. (нет, про М. писать нельзя, это гражданин В.), проживающий в Зюзине, ушел из дома и не вернулся. Вот если бы его волки съели в Зюзинском лесу, тогда – понятный интерес, не к нему – к волкам. А в уездном городе N, да и вообще в Израиле, стоит кому-нибудь пропасть, как поднимается гвалт на всю страну.

Недавно один парнишка (как вы уже догадались, из нашего города N) попал в лавину в Валь Торренсе. Странная, почти детективная история, которая развивалась практически в прямом эфире. Саги, так его звали, поехал с подругой кататься на лыжах. Но обычных склонов для простых смертных им было мало, поэтому они наняли вертолет и частного инструктора, чтобы их забросили куда-то на границу с Италией, где можно прокатиться по целине. Целина, она как... (ну, вы поняли), и первая группа – она и единственная, кто после прошедшего снегопада свеженьким нетронутым снегом наслаждается, и цена за целину соответствующая. По непонятной причине Саги свернул в сторону и попал на лавиноопасный склон. Инструктор мгновенно остановил всю группу, он отчаянно ругался Саги вслед, но было поздно. Через полчаса на месте был вертолет итальянских спасателей, набросившихся на лягушатника-француза. Еще через пару минут приземлился французский вертолет, и макаронникам-итальянцам показали кузькину мать. Надо ли говорить, что одновременно со спасателями налетели репортеры с обеих сторон открытой итало-французской границы.

После первоначальной стычки граждане объединенной Европы побратались и занялись-таки поисками израильтянина. На экране сменялись кадры закутанной зачем-то в одеяло красавицы Яэль, подруги Саги, пытающейся отвернуться от камеры; поисковых собак в живописных попонках, облаивающих друг друга по-французски и по-итальянски; разноцветная цепочка спасателей, втыкающих в спрессованный снег длинные гнущиеся шесты; панорама сверкающих под ярким зимним солнцем Альп, равнодушно вззирающих на суету людей; покореженные множественными переломами вывихнутые стволы деревьев в том месте, где лавина ударилась о дно ущелья. Сигнал от радиомаячка дает надежду, что, может быть, еще не поздно, и есть хоть какой-то шанс, но альпийское эхо разносит в прямом эфире вскрик Яэль, когда находят захлебнувшееся снегом тело.

Вертолеты новостей, сверкая брюхом на солнце, отваливают – им больше не интересно. Набирает силу новый скандал про похождения арестованного французами русского олигарха. Население уездного города N взбудоражено. Все чувствуют себя причастными, и молодежь собирается у дома родителей Саги, сидят и курят на лестнице, ведущей в пентхаус. Несколько лет назад Яэль стала королевой израильской красоты, и ее встречают в аэропорту все каналы телевидения, параллельно передающие откровения подвыпившего лыжного инструктора, озаченного исключительно потерей богатой клиентуры. Яэль поочередно тычут в лицо микрофон, и ей приходится раз за разом опровергать домыслы о размолвке, разбитом сердце и чуть

ли не самоубийстве на почве ревности. Она сквозь слезы говорит, что любила Саги, и что они собирались летом пожениться.

О мертвых плохо не говорят. Из газетного интервью с Яэль в пятничном номере мы узнаем, каким замечательным, талантливым и отзывчивым парнем был Саги. Яэль рассказывает, что решила отказаться от карьеры модели и потратить полученные за конкурс красоты деньги на образование в университете, о том, как встретила там с Саги, о страшной личной трагедии, ведь он погиб практически у нее на глазах. У нас в Хоум Центре статью не обсуждали, как это обычно происходит. Мы вообще обходили тему Саги молчанием. Наверное, нам было неловко друг перед другом: для всех нас он был обычным kleптоманом из богатой семьи.

В том же номере газеты прославился еще один наш сосед, который в третий раз выиграл в Лото. Некоторые, как я, например, и за всю жизнь ничего не выигрывают, а этому удача так и перла. За один год – три раза первый приз. Правда, он ни разу не получал всю сумму один, а постоянно делил деньги с другими счастливыми, но три раза – это уж слишком по всем меркам. Недалеко от нас расположен киоск, в котором заполнялись бланки лотереи, и владелец будки тоже купается в лучах славы, сетуя на скаредность выигравшего, который по традиции должен давать хозяину чаевые. Киоскер пытается рекламировать свой маленький бизнес и привлечь клиентов, упирая на «везучесть места». Дедулька сетует, что раздал все деньги детям, внукам, просто знакомым, и у него ничего не осталось. Он жалуется, что новые соседи из богатого района смотрят на него косо и не заходят в гости, несмотря на постоянно открытую дверь дома, что его душат налогами, неслыханными на прежнем месте. Он клянет тот час, когда его стали считать миллионером. Но... продолжает каждую неделю играть все в ту же игру.

Я постепенно привыкаю к своему новому коллективу, а коллектив медленно привыкает ко мне. Год моей работы в Хоум Центре проходит так быстро, что меня застает врасплох заявление Марципана о выдвижении моей кандидатуры на звание лучшего работника фирмы. А через некоторое время мне на общем собрании с поцелуями в щеку и трясением рук вручают конверт. Вскрываю его, по выработавшейся привычке, в сортире, где никто не подсмотрит. Мгновенно калькулятор в моей голове начинает перегреваться: инкины опции перемножаю на текущий курс акций, вычитаю начальную стоимость, пытаюсь представить с кровью выданный налог. Прибавляю полученный результат к сумме, указанной прописью на чеке. Мерещится небольшая трехлетняя кобылка корейского производства.

Тщательно проверяю дома мою туалетную арифметику: на новую машину не хватит, но можно приобрести поддержанную в лизинговой фирме. Как настоящий израильтянин, я «иду в народ» искать совета у своих сотрудников. Я уже знаю, что мой жестоковыйный народ, тортами его не корми, обожает давать советы и дружно помогать неразумным ближним, когда ему это ничего не стоит. К обеду примерно начинаю понимать, что я – это идеальный лох. Я ничего не смыслю в поддержанных тачках, и меня можно взять тепленьким прямо с постели. После нескольких дней «помощи зала» вырисовывается схема предстоящей покупки: надо искать протекцию или, как у нас говорят, «витамин Пи». Когда слухи о моих мытарствах доходят до Марципана, он милостиво передает мне через Нурит, что я могу к нему зайти. Получаю от щедрот кофе и кокосовое печенье. Марципан справляется о жене и детях, потом набирает номер и ласково беседует с кем-то на другом конце.

– Как для меня, – резюмирует Марциано, – он у нас «работник года». Не волнуйся, – это он мне, – завтра тебе привезут машину прямо сюда.

«По шучьему велению, по моему хотению...»

Утром меня ждет на стоянке моя мечта: серебристый, сверкающий свежей полировкой трехлетний «Юндай» с какими-то жалкими сорока тысячами километров на спидометре. После короткой поездки на почту, чтобы оформить документы, я, по традиции, отправляюсь за тортами. Я обращаюсь со словами благодарности к коллективу, который мне как брат род-

ной, имея в виду лично Марципана. Я прямо говорю им в лицо, какие они все хорошие, и как я горжусь честью работать среди них. А поскольку я «интеллигентный молодой человек», то речь моя полна многозначительной иносказательности.

И все-таки я не зря расточал комплименты – мне дарят «Большой Атлас Израиля». Мы с Инной вырываем его вечером друг у друга из рук и, перебивая друг друга, спорим, куда будет наша первая самостоятельная поездка. Инна с гордостью сообщает, что отказалась от очередной автобусной экскурсии «Клуба Путешественников», изрядно нам надоевшего громким визгом детей и туповатыми массовиками-затейниками, копирующими друг у друга одни и те же шутки, загадки и затейки.

Обычно я паркую свою серебристую кобылку в укромном углу на самом дальнем месте, чтобы не испоганил израильский агрессор своей грязной дверью ее полированный бочок: «подальше положишь – поближе возьмешь». Я готов гордо дефилировать через всю стоянку в жару, под дождем и в темноте.

– Владимир Ильич, можно вас на минутку?

Цепенею на мгновение.

Потому что лет так... несколько меня по батюшке никто не называл. Оглядываю вылезшего из стоящей рядом выдавшей вида «Мазды» мужика с бородой, в черных пальто и шляпе. Я не разбираюсь в разных религиозных заморочках, для меня – все досы¹⁸ на один манер. У меня выработалась за время, проведенное в Хоум Центре, некоторая хватка, умение оценивать людей. Иногда я даже не могу объяснить, на чем это основано, какие-то неуловимые черточки. Но сейчас я не могу определить ничего.

– Мы... э-э-э... знакомы? – спрашиваю, отчаянно пытаюсь вспомнить обстоятельства, при которых мог видеть этого типа.

– Не знакомы, Владимир Ильич, не пытайтесь вспомнить.

– Откуда вы меня знаете?

– Позвольте вам все объяснить, но понадобится некоторое время. Поэтому давайте-ка я приглашу вас в ресторан.

– Но... – У меня мелькает мысль, что он может быть из ФСБ. Уехал-то я в Венгрию по турпутевке, а не в Израиль на ПМЖ.

– Я знаю, что конец недели, и вас ждет дома жена. Позвоните ей и придумайте какую-нибудь отговорку, работу, что ли, срочную, ревизию...

– И почему я должен это делать?

– Конечно, не должны, Владимир Ильич, просто...

– Что, просто?

– Я прошу вас уделить мне пару часов и обязуюсь компенсировать вам это – ну хотя бы просто хорошей едой. Мне нужно вам кое-что рассказать.

– Шантаж?

– Ну что вы, Владимир Ильич.

Инна меня сегодня не ждет – у них там какой-то очередной междусобойчик на работе, без мужей, и мне оставлен обед в холодильнике.

– Здесь неподалеку есть сносный ресторан, «Жако», вас устроит?

– «Жако»?! – я не могу поверить своим ушам, ведь там подают морских гадов, не то чтобы считающихся кошерными.

– Теперь все нормально, нет когнитивного диссонанса? – парень забрасывает в багажник реквизит: пальто, шляпу, парик с пейсами, накладную бороду.

– Зачем этот маскарад?

– Терпение, Владимир Ильич, вы креветки любите?

¹⁸ Среди светских израильтян – презрительная кличка религиозных евреев, одетых в черное

Хорошие креветки – моя страсть. За креветки в соусе «рокфор» я не задумываясь могу продать любой секрет шпилечного клапана для редуктора высокого давления.

– Сдаюсь, – говорю. – А вас как зовут?

– Марио.

– Тогда, зовите меня Влади, как все, а не Владимиром Ильичом. – А то неловко как-то, меня уже давно так никто не зовет. А вы откуда?

– Я все вам объясню... Влади. Наберитесь чуть-чуть терпения.

Едем недолго, минут десять, и в моей голове вертится лишь одна знаменитая фраза: «Никогда не заговаривайте с незнакомцами». Полдневный народ уже схлынул, а до вечера еще далеко, и мы практически одни, если не считать пары посетителей, занятых десертом. По всему видно, что Марио здесь не в первый раз, также как и я. По праву хозяина он выбирает вино и, перед тем как окончательно решить, делает паузу – смотрит на меня и ждет одобрения. «Шардоне Гамла»¹⁹ я всегда готов одобрить.

Когда официанты, заполнив стол салатами, отходят, я отпиваю вина и вопросительно смотрю на Марио. Но он не торопится, режет горячий хлеб, берет понемногу салатов, смакует «Шардоне». Он очень хорошо говорит по-русски, чисто и без акцента, но у меня создалось впечатление, что его русский – не родной. То же самое и с ивритом – нечто неуловимое, не могу определить, но он явно не родился в Израиле.

– Я представляю «Ложу Профессионалов», – он смотрит на меня пристально. – Вы о ней что-нибудь знаете, Владимир Ильич?

– Влади, – поправляю его. – О «Масонской Ложе» я что-то там слышал, а вот «Ложу Профессионалов» – не припомню. Или это одно и то же?

– Вы ведь Профессионал, Влади? – Марио пропустил мой сарказм мимо ушей.

– Хе, был когда-то.

– А сейчас?

– Сейчас я краску замешиваю и кисти продаю с валиками.

– И как, идет?

– Вроде бы идет...

– А что не так? – Марио с бокалом в руке откинулся на спинку стула и рассматривает меня.

– М-да, – беру свой бокал и пью вино мелкими глотками.

«Уважаемый редактор, может, лучше про реактор...» в смысле – про редуктор, тот самый, шипящий на отказ. Задумывался ли я о том, что дальше? Спрашивал ли я сам себя, хочу ли я до пенсии краски продавать? Откровенно, как на духу – не спрашивал, наверное, просто боялся спросить. Я ведь уже давно плюнул на то, что мои разработки никому ни в России, ни в Израиле не нужны. И, я так подозреваю, ни в какой другой стране тоже. А мой собеседник как бы ненароком спросил. И тут меня посещает простая мысль: либо он шпион, либо представитель какой-нибудь безопасности (не той, которая у нас на входе в магазин), но в любом случае, дело-то скорее всего нечисто. Как он сказал: «Ложу Профессионалов»? Ну что за чушь! Скорее всего, меня-таки достала ФСБ за то, что от подлодок без разрешения на ПМЖ сбежал. Только долго что-то искали, ведь шесть лет уже прошло.

– Марио, – ставлю бокал на стол, – давайте начистоту: что вам от меня надо? И зачем вам было рядиться в черное пальто?

Реакция его, прямо скажу – нулевая:

– Как вы относитесь к паранормальным явлениям, Влади?

– Не знаю, – я растерялся. Такого вопроса я никак не ожидал. – А что вы имеете в виду?

– Экстрасенсорные способности.

¹⁹ Популярная марка израильского вина

Понятия, что мой собеседник от меня хочет, у меня нет никакого, и теперь я ловлю себя на том, что меня это начинает раздражать. Сдерживаю себя, потому что соображаю: неспроста это все. Решаю не играть в игрушки и говорить откровенно – кто его ведает, откуда взялся этот Марио.

– Честно говоря, не знаю, не сталкивался.

– А про других-то что думаете?

– Пишут много, а где правда, и где шарлатанство? Откровенно, я не слишком в это верю. Наверное, что-то есть.

На секунду мне показалось, что Марио улыбнулся впервые за все время.

– Если я вам, Влади, скажу, что вы – весьма сильный экстрасенс, то вы мне, конечно, не поверите?

– Не поверю, – сказал я твердо, как только мог, чтобы не оставлять и капли сомнения.

– Значит, вы просто продаете краски, – пробормотал Марио, как бы ни к кому не обращаясь, и замолчал.

Он подозвал официанта и попросил пополнить салаты, которые мы доели, и еще хлеба. Я отметил, что вкусы у нас во многом совпадают: острые восточные кушанья остались нетронутыми, а зеленая тхина, кабачки в соевом соусе, жареные баклажаны, селедка – все исчезло. Мне стало ясно, что «пара часов» было лишь оборотом речи.

– Скажите, Влади, вы не подвергаете сомнению факт существования экстрасенсов?

– Не подвергаю, – говорю. И думаю, что было бы как-то глупо подвергать.

– Хорошо, я тоже согласен, что шарлатанов больше, чем действительно способных людей.

Но они ведь есть?

– Есть, наверное...

– Есть, есть. – Марио впервые проявляет некое подобие нетерпения. – Разные есть таланты. Вы про Ури Геллера, конечно, слышали?

– Который ложки гнет?

– Он самый. Действительно гнет, – добавляет Марио, видя мой скепсис, – только таких людей мало. И вообще, универсалы встречаются редко, гораздо чаще бывает, что проявляется лишь очень узкий, я бы сказал, специфический талант, как у вас.

– И какой же это талант?

– Краски. Вы, Влади, Продавец Красок.

– Ну да, я продавец красок.

– Вы не поняли – продаю кому-то краску, вы с легкостью можете изменить его судьбу.

– И как именно, в какую сторону?

– Как именно – я не знаю, и, скорее всего, никто не сможет определить. А вот в какую сторону... Хороший вопрос! В любую сторону.

– И что, по-вашему, я могу человека убить или осчастливить?

– Да вы это уже сделали и, поверьте мне, не один раз.

– Не поверю.

– И тем не менее – это так.

– Убил, да?

Марио смотрит на меня очень серьезно и отводит взгляд. Он берет бутылку и разливает вино.

– Убил, Влади Ильич, – говорит он тихо.

– И скольких это, по-вашему, я убил? – спрашиваю с издевкой.

– Насколько я знаю, шестерых, но может быть и больше.

– Послушайте, Марио, или как вас там! – ору на весь ресторан. – Хватит дурить мне мозги! И нечего плести всякую чушь про убийства. Или вы хотите, чтобы я вам поверил?!

– Влади, как расследователь «Ложи Профессионалов», – Марио поморщился, впервые за вечер он ошибся, не нашел в своем запасе подходящего слова (я подумал, что он имел в виду investigator), – я обнаружил девятнадцать случаев вашего воздействия. Счет: тринадцать – шесть. Поверьте мне, вы сделали это неосознанно, и никто не может вас ни в чем обвинить, в том числе, и вы сами не должны себя корить.

– Еще не хватало в чем-то меня обвинять!

– Поймите: поэтому я здесь, поэтому мы с вами сидим и разговариваем. Дело-то серьезное, Влади, никто шутки шутить не собирается.

– А кого я спас?

– Бабушка все еще жива. И, судя по всему, проживет до ста двадцати, дай ей Бог здоровья.

– Какая еще бабушка?

– Брата с сестрой помните? Орли и Орена?

Марио громко хрюкает прямо в «Шардоне», и официанты бросаются вытирать брызги на столе. Хрюкает он оттого, что любовался моей физиономией.

Ни хрена себе, думаю! Вот это номер! Начинаю соображать: наверное, это какой-то трюк или какая-то невозможная и непонятная подстава. Ну как мне забыть эту живописную парочку, Орена и Орли? Они же мои первые клиенты. Но каким образом Марио мог о них прознать? Мысли читает?

– Извините, Влади, – Марио все еще смеется, – не смог удержаться. Теперь вы готовы меня выслушать?

– Это розыгрыш?

– О, Господи, да не розыгрыш! Вы готовы выслушать меня, Влади Ильич?

Киваю, что мне остается делать.

– Как правило, – начинает он, – никто не представляет, что обладает какими-то необычными способностями. И это вполне естественно. Потом начинают накапливаться факты, странные такие факты, которые трудно объяснить. Когда фактов, скажем так, набирается слишком много, становится ясно, что работает Профессионал. Я приведу вам самые распространенные профессии: повар, кондитер, парикмахер, художник...

– Заряженная картина?

– Не смейтесь, как раз картина может обладать очень сильным воздействием...

– Так повар может просто отравить!

– Да не об этом речь, Влади. Повар может и вылечить, и приговорить к смерти, безо всякого отравления, как и любой Профессионал, как и вы. Возьмите, например, ювелиров. На мой взгляд, ювелиры выделяются даже среди профессионалов.

– Почему?

– Из-за силы, заложенной в крохотном камне.

– Ха!

– Не смейтесь, почитайте на досуге историю знаменитых алмазов, а потом подумайте. Возьмите алмаз «Хоуп», например – все, кто имел несчастье к нему прикоснуться, не только владельцы, вплоть до посыльного, перевозившего камень, так или иначе пострадали. А алмаз «Шах», слышали?

– Который в «Алмазном фонде»?

– Тот самый, помните историю?

– Не то чтобы...

– В Тегеране убили Грибоедова, и «во искупление» Николаю Первому в 1849 году привезли огромной ценности дары, в том числе и алмаз «Шах». Дьявольская восточная хитрость. После этого уже более полутора веков Москва с упрямством, достойным лучшего применения, стоит на стороне Тегерана, не считаясь ни с каким здравым смыслом... Сколько богатств и произведений искусства было продано большевиками на запад, а алмаз «Шах» остался в Рос-

сии. Подумайте на досуге. Поищите в Интернете про алмазы. Гильдия Ювелиров всегда была одной из самых влиятельных.

– В знаменитые картины и знаменитые бриллианты я готов поверить. Но чем моя скромная персона может навредить, валик продать?

– Хотя бы и валик. Кстати, поздравляю, Продавец Красок нам известен только один за всю историю Ложи, один во всем мире – и это вы.

– Марио, послушайте... – начинаю я и не знаю, как продолжить.

– Что?

– Я – рациональный человек и не верю в разные там сказки и небылицы. Или вы меня убедите – с фактами убедите в существовании того, о чем вы говорите, или – спасибо за обед, было приятно познакомиться.

– Не кипятитесь, Влади Ильич! Не в фактах дело, не бывает голых фактов.

Марио наклоняется под стол и выуживает из портфеля картонную папку с газетными вырезками. Каждая вырезка покоится в отдельном пластиковом конверте. На папке жирным черным фломастером выведены мои ФИО: Шпильман Владимир Ильич, а на обороте обложки приклеена моя фотография в красном комбинезоне Хоум Центра.

– Те-те-те... – пытаюсь произнести сквозь безудержный смех.

– Что это вас так насмешило?

– Те-тесемок ботиночных не хватает.

– Чего? – недоуменно спрашивает Марио.

– «Дело Корейко Александра Ивановича». Ботиночные тесемки...

Марио недоуменно на меня смотрит.

– Вы ведь не из России, Марио? Где вы научились так хорошо говорить на чужом языке?

– Занимался, с Учителем.

– Бросьте, я лет десять занимался с учителем английским: читаю свободно, понимаю почти все по телевизору, а говорю не очень. Никакой учитель не может так научить, но, в то же время вы не из России, это не совсем сразу, но заметно.

– Влади, разумно предположить, что в «Ложе Профессионалов» есть профессиональный Учитель Языков.

– И он помашет руками вокруг вашей головы, и вы заговорите по-русски?

– Я не имею в виду обычного учителя. Вспомните, иногда так бывает, что из какой-нибудь сельской школы в забытой Богом дыре начинают выходить один за одним ученые и политики. А то вдруг все дети в округе прекрасно успевают по биологии, или физике, или географии – не важно. Да еще влюблены в своего Учителя, все поголовно, вплоть до отпетых хулиганов. Знакомо? Никогда не задумывались, почему так происходит?

Марио ждал моего ответа, но я только пожал плечами.

– Просто появляется настоящий Профессионал, Учитель, который может научить любого ученика чему угодно.

– Так-таки чему угодно?

– Практически, да.

– Это гипноз?

– В том-то и дело, что нет. Феномен Профессионалов не раскрыт. Они могут появиться и проявиться в любой профессии, в любом возрасте, в любой стране. Например, Летчик может посадить самолет, у которого кончилось топливо, отказали двигатели, сломано шасси. Он инстинктивно сделает так, что самолет останется цел. Спроси его потом «как» – он не ответит.

– «На одном моторе и на одном крыле»?

– Именно. Кстати, мне недавно довелось услышать, что был такой случай в Израиле, когда посадили F-15 с оторванным крылом. Или Тренер: вдруг из какой-нибудь Тьмутаракани-за-

горами выходят борцы и один за другим завоевывают медали на чемпионатах мира, или гимнасты, или фехтовальщики, или еще кто.

– Самородок появился?

– Вот-вот, самородок! Только никакой это не самородок, а Профессионал. Вы Куклачева видели?

– Который с кошками?

– Он самый. Вы представляете, что такое дрессированная кошка?

– Нет.

– И не удивительно, никто в мире не представляет, кроме Куклачева. Он – Дрессировщик Кошек, единственный и неповторимый. Знаете, что он сказал в одном из интервью: «Кошки делают только то, что хотят!» Это же гениальная фраза. И у самого Куклачева каждая кошка делает исключительно то, что ей, кошке, нравится. А как, спрашивается, Куклачев знает, что нравится этой самой кошке?

– Интересно. Ну а спорт, например, великие спортсмены?

– Я вас разочарую, наверное, но считанные единицы.

– Интересно, кто?

– Могу назвать одного – Пеле. Вы видели его игру?

– Практически нет. Так, пару эпизодов по телевизору.

– Много потеряли. В пятьдесят девятом году он забил гол века, обошел четверых игроков Ювентуса и вратаря, даже не опустив мяч на землю. Стадион настолько разбушевался, что матч прервали на десять минут.

– А Марадонна?

Марио криво улыбается, и я начинаю понимать, что на иврите он говорил с едва уловимым аргентинским акцентом.

– Нет. Марадонна – нет.

– Почему? Он же великий футболист.

– Я не говорю о том, что происходит с ним сейчас, но помните его знаменитый гол англичанам, забитый рукой? С настоящим Профессионалом такое невозможно.

– И вы, Марио, ищете профессионалов?

– Именно. Иногда это бывает очень легко, а в вашем случае понадобилось несколько месяцев.

– Почему, интересно?

– Потому что раньше никто не встречал Продавца Красок.

– И все-таки я вам не верю.

– Влади Ильич, я объясню, постараюсь, по крайней мере, а там – ваше дело. – Марио откинулся на стуле. – Первым признаком того, что где-то работает Профессионал, является большое количество необъяснимых, из ряда вон выходящих случаев. Или нарушение всех законов статистики. Я не говорю о простых совпадениях. Какова вероятность выигрыша первого приза в лото?

– Один на несколько миллионов.

– А два раза?

– Перемножить надо, триллионные доли получаются. Но бывает же?

– А три раза?

– Квадрильоны, квинтиллионы, черт его знает... Марио, вы на что намекаете?

– Я не проверял в других странах, но за всю историю лотерей в Израиле был только один такой человек, и выиграл он три раза всего за год с небольшим. Житель, между прочим, достопочтенного города N, и ваш, между прочим, клиент.

– Ну, знаете, у меня есть много клиентов в нашем городке. А как патриот своего города я не советовал бы вам над ним смеяться.

- Вот в том-то и дело, что у вас есть много клиентов. Так я вас и нашел.
- Не понимаю.
- А вы припомните, какую краску вы продали этому господину.

Марио полистал пластиковые конверты и положил передо мной знакомую статью из центральной газеты, которую я когда-то читал. Я вспомнил, что в той же газете был репортаж про погибшего в Альпах Саги. Я вновь смотрел на фото пожилого человека с резкой складкой у губ. Он пришел среди дня с внуком лет четырех. Ему нужна была краска, чтобы покрасить маленький домик для детей, который он сбил из старых поддонов, подобранных на Лаг-Ба-Омер²⁰ возле супермаркета и предназначенных к ритуальному сожжению на костре. Как добрая половина моих покупателей, как истинный израильтянин, он посетовал, что всю жизнь играет в лотерею, но кроме нескольких грошей, ничего не выигрывал.

Я вспомнил номер краски, что я ввел в компьютер: 1034T.

- Golden Rain²¹, – произнес я очень тихо.
- Что-что? Как вы сказали?
- Golden Rain...

Меня как током ударило... Я вижу расширяющиеся зрачки Марио, несмотря на то, что внешне его возбуждение никак не проявляется. Он берет со стола бокал и допивает остатки «Шардоне».

– Совпадение, – говорю, и тянусь к стакану попить водички.

– Может быть, – Марио убирает статью обратно и достает другую. – Полюбуйтесь, из того же номера!

Подсознательно я уже чувствую, что она появится, но сознание отталкивает приближающийся момент. Я даже понял, почему Марио выбрал именно эту статью: интервью с Яэль о гибели Саги. Они пришли выбирать краску для их новой совместной квартиры. Представьте: первая красавица и топ-модель, одетая в домашний свитер и потертые джинсы, и Саги, на морде которого одновременно написана гордость обладания драгоценным бриллиантом и досада, стыд за бедноватую оправу.

Посреди зимы я вижу свежий загар на коже будущих молодоженов, горный загар лыжного курорта, Альпийских вершин, свежего снега. Яэль сосредоточенно перебирает листки веера-каталога, Саги занят своим любимым делом – ищет, что бы стянуть.

У меня хорошая память на лица и на номера: OW42P. «Alpine Echo²²»

Марио смотрит на меня торжествующе.

– Но они же ничего так и не купили! Просто поморочили мне голову и уши.

– Может быть, это и не столь важно... Вы же помните номер, который они выбрали, вы же его посоветовали. Может, этого и достаточно, я же сказал, никто не знает, на что именно воздействует Профессионал.

Почему из всех нежно-салатовых оттенков я выбрал именно Alpine Echo? Мог же я сказать Teardrop²³, да мало ли что еще можно подобрать: Frosted Ice²⁴, Pine Bud²⁵, Washed Needles²⁶.

Я могу с легкостью подобрать еще десяток-другой разных названий оттенков, отличающихся друг от друга крайне мало. Почему именно Alpine Echo? Вы испытывали ощущение полной беспомощности и безотчетного ужаса, рушащегося потолка и уходящего из-под

²⁰ Праздник, в который дети повсеместно жгут костры

²¹ Золотой дождь

²² Альпийское эхо.

²³ Слезинка

²⁴ Замерзший лед

²⁵ Хвойная почка

²⁶ Выцветшая хвоя

ног пола одновременно, кошмарного сновидения и не менее дикой действительности, когда проснешься?

Я вспоминаю, как еще ребенком слушал рассказ своего деда о случае из его жизни в общежитии. Это было где-то во второй половине двадцатых годов: большая комната с железными кроватями вдоль стен, крашенные белой масляной краской тумбочки с выдвижным ящиком сверху и дверцей внизу, десяток студентов, делящих помещение, полчища клопов, от которых нет спасения ночью. Кто-то изобретает метод борьбы с насекомыми: надо отодвинуть кровать от стены и поставить все ножки в консервные банки с водой. Но едва за полночь раздастся нечеловеческий крик. Один из студентов, плотно завернувшись в одеяло, падает с кровати в проем у стены. Конечно, его с шутками да прибаутками вытаскивают, но до утра уже никто не спит. Упавший с кровати студент скулит, как подбитый щенок, дрожит крупной дрожью, с трудом удается влить в него лишь горячий чай. Дед говорил, что схитрил тогда – подлил водки в пол-литровую кружку с чаем, которым поил своего товарища. А к утру тот, пьяный в дым, рассказал, наконец, свою историю:

«Я заснул, и приснилось мне, что я умер. Все родственники приходят со мной прощаться, но я не верю и пытаюсь с ними заговорить. Я не верю, что я умер, потому что все говорят со мной, как с живым. Похороны приближаются, меня кладут в гроб и везут на кладбище, старухи читают молитвы и крестятся, остальные боятся креститься, но опасаются проклятья священника. Крышку прибивают гвоздями, и гроб опускают в могилу, комья земли стучат по крышке. Здесь я просыпаюсь, я знаю, что проснулся, но не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Я чувствую, что похоронен заживо, и тут мне становится по-настоящему страшно. Я кричу, и тут меня спасают ангелы, мои товарищи».

Ночью нам было смешно, говорил дед, а утром все увидели, что Петр (так его звали) – совсем седой. Он был жгучий брюнет, вороново крыло, а в одночасье превратился в старика. Через год он спился и умер.

– Неплохо, – заявляет Марио. – Даже весьма стильно: «Alpine Echo»!

– Глупости! Глупости! И еще раз глупости!

– Мне было довольно трудно вас найти, Влади, ведь я не представлял, что имею дело с Продавцом Красок. Но взгляните на еще одну статью, она должна вам сказать о многом.

Марио вновь шуршит целлофаном и вытаскивает на свет мелкие листочки местной газетенки города N, которую нам каждую неделю суют в почтовый ящик. Если не считать объявлений о купле-продаже, читать ее опасно для здоровья.

– Благодаря этому я вас нашел.

Читаю заголовок: «Помощь приходит оттуда». И ниже: «Умерший дядя знает, о чем говорит». Уже, думаю, интересно, привет с того света. Начинаю разбирать довольно мелкий и неопрятный шрифт. Женщина, которой, судя по нечеткому фото, где-то за сорок, весьма откровенно рассказывает о своих бесчисленных попытках завести ребенка. Она подробно описывает все мытарства и процедуры, которые ей пришлось пройти; как она боролась за оплату лечения; как все специалисты советовали ей отступить и пойти на усыновление; как она дошла до грани помешательства, потери работы и развода с мужем. Она никогда не верила в потусторонние силы, но под конец сдалась и обратилась к женщине-медиуму.

– Чушь какая-то. Марио, зачем вам это понадобилось? Опять глупости, и не смешно.

– А кто сказал, что смешно? Вы же не анекдот читаете, а случай из жизни, который имеет к вам непосредственное отношение.

– Ребенка ей я не делал, это уж точно.

– Это как сказать! – Марио усмехается.

– Да бросьте вы, ведь действительно не смешно!

– Я вас прошу, Влади, дочитайте до конца. А там поговорим.

Вздыхаю и продираюсь дальше.

Медиум поведала ей, что ее недавно умерший дядя передает ей способ забеременеть: она должна сделать ремонт в квартире и особое внимание уделить детской комнате. Оборудовать ее так, как будто она уже ждет ребенка, купить подходящую мебель, ковер, выбрать краску для стен и потолка, занавески, другие детали интерьера. Прощаясь, она посоветовала:

«Не обязательно покупать все самое дорогое, главное – все должно идти от сердца. Выбирая любую деталь, просто думайте о ребенке, как об уже свершившемся факте. Пойдите туда, где можно приобрести все сразу. Пойдите в будний день, чтобы было не много покупателей, и вам уделят столько внимания, сколько потребуется».

Отрываюсь от текста и смотрю на Марио.

– Она ведь к вам тоже заходила? Помните номер краски?

– Не может быть!! – вскакиваю и едва не переворачиваю стол.

– Сознавайтесь уже, Влади Ильич...

– 6081P, – выдыхаю, – «Infant smile²⁷».

* * *

Я, наверное, на какое-то время отключился от действительности, потому что, когда я снова включился, на столе появился кофе, яблочный штрудель и бренди. Первым делом опрокидываю бренди и запускаю вслед добрый глоток горячего кофе. Слегка прихожу в себя. Марио делает официанту знак повторить. Смотрит на меня внимательно, но ничего не говорит, явно ждет, что теперь ход за мной.

– Валяйте про ложу, – говорю. – Зачем она вообще нужна?

– Напрасно, Влади, «Ложа Профессионалов» нужна прежде всего вам, для вашей защиты.

– От кого?

– Найдутся желающие, отбоя не будет.

– Ребенка заделать да миллион слупить? Конкурента убрать? Счастья пожелать?

– Для начала, Влади, любое из перечисленного стоит немалых денег на, скажем так, «сером рынке», а попросту – в криминальной сфере. Подумайте, ведь возможности у вас неограниченные. Но это еще не все, вами могут заинтересоваться и государственные службы.

– На кой черт я им нужен?

– Подумайте немного, поразмыслите, пофантазируйте. Красочку для танка подобрать, для самолетика, лодочки подводной, – усмехается. – Что бы вы посоветовали, а?

– Ну для танка «Cracked shell²⁸» хорошо подойдет. Номер 5084T.

– С юмором у вас все нормально.

– Конечно, танки в темно-розовый цвет не красят.

– А все-таки, если серьезно?

– «Delusion²⁹». 90104T.

Марио смотрит на меня так, что хмель из головы улетучивается мгновенно.

– А вы опасный человек, Влади Ильич. С вами Третью Мировую можно начинать.

– Марио, вы меня извините, но хватит дурака валять – давайте лучше про ложу.

– «Ложа Профессионалов» призвана защитить таких, как вы.

– От кого?

– От любого, кто захочет вас использовать.

– Мафия?

²⁷ Улыбка младенца

²⁸ Треснувшая раковина

²⁹ Галлюцинация

– Не только. Вы сейчас, не задумавшись ни на секунду, выдали такое, за что любая армия, любая разведка сделает абсолютно все.

– Что значит, все?

– Все – это значит, что ни перед чем не остановится. Не будут препятствием ни законы, ни человеческие жизни.

– Почему?

– Опять не хотите чуть-чуть задуматься? «Delusion». Покрасить такой краской вашего благословения самолет, и он может стать невидимым для радаров и без всяких высоких технологий.

– И ничего, что будет фиолетовым отдавать?

Марио снова пропускает мою иронию мимо ушей:

– «Golden rain», «Alpine echo», «Infant smile». Все ваши рекомендации чудесно сработали, просто замечательно. Не находите? «Alpine echo» даже не у вас купили. Так почему же не годится «Delusion»? Еще более элегантно, чем прежде. Снимаю свою черную шляпу вместе с пальто.

– Вы не сказали, зачем вы вырядились под хасида?

– Не под хасида, впрочем, это не важно. Что бы вы ответили, если бы кто-нибудь спросил вас о том, кто заходил к вам в отдел?

– Дос какой-то.

– Вы бы меня опознали потом?

– Вряд ли.

– Вот для этого и вырядился, простая предосторожность, да и не полезет никто, не заподозрят, не обратят внимания на какого-то доса. Я ведь заходил к вам в отдел несколько дней назад, не помните?

– Нет, не припомню.

– Видите.

– Ну, хорошо, а чем это ложа может мне помочь?

– Прежде всего, предупредить, чтобы вы были осторожны.

– Людей не убивал, да?

– Ложу это не интересует, это на вашей совести, а не Ложи.

– Ложе абсолютно все равно, буду ли я помогать бедным или убивать их? Так получается?

– Именно так.

– Звучит довольно дико.

– Почему?

– Ну, существует же мораль, заповеди, в конце концов.

– Влади Ильич, не смешите мои тапочки, как говорят в Одессе. Вы марксистско-ленинскую этику в институте проходили? Что там написано большими буквами, а? «Все этично, что идет на пользу большевикам». А то, что большевикам на пользу не идет – преследуется по революционному закону. И остальной мир от них почти ничем не отличается, только маскируется лучше.

– Все-таки, какая связь с Ложей?

– Профессионалы – никакие не супермены, а обычные люди. Вы ведь не Джеймс Бонд?

– Да не похож.

– Вот-вот, вы также и не Гарри Поттер, чтобы фехтовать на волшебных палочках. Но профессионалы могут больше, чем простые люди. И их очень легко использовать в разных целях, неважно каких: добрых или злых. Их сила, направленная определенным образом, может изменить мир, но, как правило, эти люди не способны себя защитить. Ложа призвана их защитить.

– От кого?

– От мафии, от государств, разведок, сект, церкви...

- Все в одну кучу? А если я, скажем, захочу послужить своей стране?
- Пожалуйста, только последствия такого шага могут быть для вас непредсказуемыми.
- Почему?
- Если придете сами, то сто против одного, что вам не поверят и посадят в психушку. А если вас кто-нибудь вычислит, как я, например, то вы запросто можете исчезнуть.
- Хм...
- Все спецслужбы интересуются паранормальными явлениями, и эти отделы одни из самых засекреченных.
- Марио, вы действительно думаете, что я могу на что-то влиять?
- Я уверен в этом.
- Почему? Ведь могут же быть совпадения... В голове не укладывается.
- Влади, я проверял выходящих от вас покупателей – краска несет в себе заряд, это факт.
- Вы сами только что говорили совершенно другое про факты.
- Я вас проверял, есть способы.
- Какие, если не секрет?
- Я был, то есть, я и сейчас являюсь довольно хорошим лозоходцем. В Ложе придумали мне специальную рамку, которая реагирует на паранормальные объекты, конечно, только в моих руках. Если кто-то другой возьмет ее в руки, то ничего не будет, из чистой предосторожности.
- И Ложу действительно не интересует, как именно я намерен использовать свои возможности?
- Действительно нет. Вам будет предоставлена любая помощь вне зависимости от того, убиваете ли вы людей или лечите. Забыли: ваш личный счет тринадцать – шесть.
- Смотрю на Марио недоверчиво:
- И все свои заключения вы сделали на основе того, что... э... участники были моими клиентами?
- Рамка, Влади Ильич, рамка, как правило, не врет. И, поверьте моему слову, – ваш счет считается весьма и весьма положительным... На одного мерзавца у вас двое хороших людей. Бывает и наоборот, и еще намного хуже.
- И я могу решать, кто мерзавец?
- Можете, Влади. Почему бы и нет – вы не хуже других.
- То есть как?
- Да так. Мы все время встречаем людей и решаем для себя: мерзавец он или приличный человек. Только последствия вашего решения имеют несколько большее значение для означенной личности.
- И она-таки может умереть?
- Сколько вашей душе угодно!
- И вы можете объяснить, как это происходит?
- Я же говорил: никто не знает.
- Но у вас есть гипотеза?
- Эх вы загнули... Ну, есть, конечно. Я думаю, что все дело в вероятности. Вы просто очень сильно повышаете вероятность какого-либо события. Выигрыша в лотерею, несчастного случая, других происшествий.
- Зачатия, например?
- С формальной точки зрения, это тоже лишь событие с определенной вероятностью. Улавливаете?
- В голове не укладывается. И еще вопрос: Ложа же может действовать в своих целях?
- Использовать вас?
- Да.

- Только если вы выразите желание.
- Но кто все-таки определяет добро или зло?

– А вы сами, Влади Ильич! Вы что, хотите, чтобы кто-то разделил для вас все человечество на светлых и темных, на правых и неправых, на своих и врагов, на добрых и злых? Нет, дорогой мой, вы сами будете это делать. Постоянно, каждый день. И вы будете помнить, что от вас может зависеть жизнь и смерть. И вы не будете знать, какая судьба постигнет вашего клиента. Вы можете изо всех сил притворяться, но искреннее подспудное ваше мнение вынесет приговор независимо от вашего сознания. Хотите вы этого или нет.

- А если не хочу?
- Очень просто: не продавайте краски.
- Но ведь должен же я как-то зарабатывать?
- Идите в сторожа.
- Был уже...
- Так не жалуйтесь.

Я замолкаю. Станный у нас какой-то разговор получается: с одной стороны, я не склонен верить ни одному его слову; с другой – сбить Марио с толку невозможно, у него на любое мое возражение готов ответ. И, должен сознаться, его доводы не лишены логики. Странной такой логики, но в какие-то моменты я ловлю себя на том, что он меня убеждает, и я готов ему поверить.

– Марио, а почему я должен вам верить, что вы из какой-то там Ложи Профессионалов? Вы с тем же успехом можете быть из мафии или из спецслужб.

– Чуть-чуть подумайте, Влади. Если бы ваши подозрения имели под собой почву, то не сидели бы мы в ресторане и не беседовали, как два приятеля, а схватили бы вас на улице и притащили в какой-нибудь грязный подвал, где прежде всего избили бы до полусмерти.

– Зачем же бить, если я нужен живой.

– Я же сказал «до полусмерти». Это прием такой – сломать человека с самого начала. А задача Ложи, как раз наоборот, вам помочь.

– И какой у Ложи интерес мне помогать?

– А вот когда вы, Влади Ильич, с Ложей познакомитесь, если захотите, конечно, тогда вы и поймете.

И опять, несмотря на все сопротивление организма, накатывает какое-то странное ощущение, что Марио не шутит, что все его слова – правда. Верю ли я в раздвоение личности? Хороший вопрос. Скорее всего – не верю, но я физически чувствую это раздвоение.

– Я могу взять вашу папку и с ней ознакомиться?

– Да, конечно, пожалуйста! Только папка эта – ваша, а не моя. – Марио делает универсальный знак официанту, показывая, что он просит счет. – Обратите внимание, Влади Ильич, на совсем курьезные события: самолет падает на крышу дома, две машины сталкиваются посреди ночи на пустой дороге. Посмотрите на досуге.

– Вы дадите мне свой телефон? Я смогу с вами связаться?

– Извините, нет. В этом нет ничего личного, лишь правила конспирации.

– В шпионов играем?

– Поверьте, нет. Так будет лучше, прежде всего для вас. Я свяжусь с вами сам.

– Спасибо за обед... или ужин, – я замечаю, что на улице успело стемнеть.

– Представьте, Влади, – говорит он напоследок, – вы пришли на работу в плохом расположении духа: с похмелья, или с женой поругались, и подходит к вам клиент, до которого вам совсем нет дела, и раздражается, что вы не хотите уделить ему внимание. Запомните, вы с легкостью можете его убить.

2. Инна

Практикуемый у нас в трудовых коллективах «день сплочения» – странное мероприятие. Даже название на русский язык трудно перевести: то ли смычка, то ли случка. В конце концов, вспомнив, что пролетарии всех стран должны объединяться, приходим к выводу, что это переводится как «междусобойчик». Заключается он в том, что с утра нас забирает автобус и вместе со всеми работниками лабораторий везет на гору Кармель, где нас ждет гид, чтобы повести гулять на маршрут среди низкорослых средиземноморских дубов. Дубы здесь мелковаты и совсем не под стать русским раскидистым великанам, вошедшим в мировую классику с легкой руки Льва Николаевича, и попавшим с чьей-то нележкой руки в школьный курс литературы, где про них заучивают наизусть. Коллективная память принимается громко цитировать вслух зазубренные навечно отрывки. Кажется, нам придется карабкаться вверх. Меня такая перспектива не особенно пугает, а вот подружки мои заметно приуныли. Но на вершину горы, ко всеобщей радости, нас везут на джипах. Гид рассказывает о местной фауне и флоре, сыпет названиями цветов и деревьев, которые в памяти не удерживаются.

Вниз мы должны спускаться на своих двоих, и это самая приятная часть нашей программы. Погода прекрасная – не жарко и не холодно, ноябрь уж на дворе. Первые ливни уже смочили бренную землю, и она подарила молодую травку и желтые цветочки после нескончаемой засухи лета. Идем себе среди увешанных желудями дубов вниз с горы и хвалим мудрость организаторов. Но недолго душа пела – на очередной поляне нас подстерегает массовик-затейник. По-над лесом разносится гортанный резкий крик, который один из наших сотрудников метко обозвал: «голос-отрыжка средиземноморья» (что на иврите звучит гораздо короче и сочнее, чем на русском). Программа начинается с дежурных шуток и плавно переходит к загадкам. После них наступает момент, когда четверку пожилых женщин привязывают за ноги к двум доскам и заставляют бежать наперегонки. Бежать такая тяни-толкайка никак не способна, спасибо, что не падает, она даже не может одновременно поднять стреноженное четвероножие. С завистью наблюдаем, как молодые лаборанты-аналитики, вышибая досками пыль из земли ханаанской, пересекают финишную черту. С облегчением освобождаемся от пут, но далее нас подстерегают яйца. Да-да, обыкновенные куриные яйца в картонных сотах. Нас делят на пары, выстраивают в длинную цепочку друг против друга и дают в руки яйцо. В России такой затейки быть не могло по причине дефицита яиц. А в Ханаане яиц, как видно, куры не клюют, поэтому ими можно перекидываться. Выигрывает тот, кто последний яйцо не разбил. Какое счастье, что пары мне не достаются. Вспоминаю, что в рюкзачке у меня засунутая Владиком дигиталка.

Когда остается неразбитым лишь последнее победное яйцо, появляются знакомые джипы и везут нас на базу. С надеждой смотрим в сторону ресторана, но, как выясняется, на трапезу мы еще не наработали. Нас ожидает еще одно страшное испытание – прогулка верхом. Очередной инструктаж не слишком долог: лошадь сама знает, куда идти, поэтому расслабьтесь и получайте удовольствие. Про удовольствие – сомнительно, потому что минут через десять начинаю понимать, что отобью себе о седло копчик. Утешаюсь знаменитым анекдотом про армянское радио и горжетку. Пытаюсь строить из себя джигита и ловить в объектив перекошенные от страха физиономии своих сотрудниц.

Ресторан, однако же, вполне приличный. Всем коллективом радуемся, что и на этот раз остались живы, и набрасываемся на жареное на углях мясо. Мужикам – пива вволю, а для утонченных женских натур после третьего четверга ноября подается «Божоле», возвращенное на холмах Голан.

В обратный путь отправляемся в темноте. Я жалею, что мероприятие без супругов – Владика бы понравились лошади и мясо. В автобусе удастся-таки подремать минут сорок. Когда я

подхожу к дому, то замечаю, что в окнах света нет. Сразу начинаю соображать, куда мог подеваться мой благоверный. Открываю дверь и зажигаю свет в коридоре.

– Вован, что стряслось?

Я помню этот взгляд, направленный непонятно куда. Года три назад, когда он еще в охране стоял, попер ко входу в Хоум Центр какой-то подозрительный тип – похожий на араба дурак с рюкзаком. Тогда еще чуть ли не каждый день информация проходила о террористах. Ну мальчишки и вскинулись: в воздух выстрелили, на асфальт уложили и держали на мушке минут пятнадцать, пока полиция не приехала. Оказалось – ложная тревога, а они с Борькой напились вечером в зюю. Я потом Владика спросила: «Нажал бы на курок? Если бы пришлось по-настоящему?»

Не ответил. Он так страшно переживал, когда приключилась история со школьным охранником, выстрелившим в техника по кондиционерам. Говорит: «Они его предали; общество не может существовать, если своих предает.»

Я его в шутку Вованом стала дразнить, когда пистолет в доме появился. Он имя «Владимир» никогда не любил, и на «Володю» злился, всегда представлялся как «Владик». А я его в «Ладика» переделала, ему это очень понравилось, а потом вообще «Ладкой» стал. Ну а как пушку заимел – так «Вован».

Как была, в ветровке и грязных кроссовках топаю через ковер и плюхаюсь на диван напротив:

– Ладка, ты что? Что случилось? – включаю торшер.

Вижу, что глаза отзываются на свет – уже хорошо. Бросаю рюкзак на ковер и иду стягивать с себя пыльную одежду, жму по дороге на красную кнопку бойлера. Запахиваю махровый халатик и снова сажусь напротив. На тело под халатом – реагирует, значит, жить будет.

– Ты в чертовщину веришь? – это он меня спрашивает.

– Как врач, – говорю, – нет. Ну а как мать и как женщина... попробуй убедить.

– Если смогу.

– На Патриарших прогуливались? С Берлиозом?

– Почти.

– Ну и выпили, небось, слегка... Гнедая цела?

– Цела, жива-невредима, в стойле стоит.

Стойло – это узенькое пространство под домом между столбами. У меня всегда замирает сердце, когда Владик заруливает туда задом.

– Где гуляли-то?

– В «Жако». А вы?

– В «Cat Ballou», это рядом с Бейт Ореном, на Кармеле. Мясо даже очень приличное, только вот попа от лошади болит.

– Тебя что, к лошади подпустили?

– Представь себе, моей лошади по сравнению с другими очень даже повезло – по-моему, она меня даже не почувствовала. Скачай фотографии – увидишь достижения конного спорта.

– И все ваши тоже?

– А как же. Обязательная программа. Только по беременности и можно увильнуть, но нам-то уже поздно, никто не поверит.

– Бедные лошади!

Женщина я довольно миниатюрная, поэтому, в отличие от других наших дам, смотрелась на коне почти как жокей.

– Пойду грязь смою, а ты, если хочешь, коньячку тут накрой, лимончика нарежь.

Отлегло немного, а то в первый момент испугалась. Когда у мужика глаза внутрь себя смотрят – хорошего не жди. Выхожу после душа с полотенцем на голове и чую, что к коньячку он и без меня приложиться успел, но лимон порезан тоненько, как я люблю. Беру пузатый

бокал, бросаю лимон, цапаю шоколадку (слива в мадере) и, как кошка, забиваюсь в свой диванный уголок да под плед.

Рассказывает Ладка довольно складно, только все время ерничает. Видно, что ему как-то неловко за всю эту историю. С одной стороны, чушь, конечно, полная, а с другой, во мне просыпается экспериментатор-клинист. Сразу же начинаю соображать, какой бы такой экспериментик поставить, чтобы проверить. Да и сам он, кажется, тоже о чем-то похожем думает. Мы ведь с ним кандидатские одновременно писали. И познакомились мы на мышьиной почве – он к нам в институт дохлых мышей с Белого моря мешками таскал, просил определить, от чего подохли: то ли замерзли, то ли их давлением разорвало, то ли кессонка. Он тогда спасательное устройство разрабатывал для подводных лодок и на мышах испытывал. Так я и защитилась на тему: «Исследование кессонной болезни у мышей».

– Это что за болезнь? – меня спрашивают.

– ДКБ, – отвечаю, – декомпрессионная болезнь. Она от быстрого всплытия происходит.

– А-а, так это мыши, которые с тонущих кораблей?

– С подводных лодок, – отвечаю.

Только не верит никто.

Владик вообще-то уезжать не хотел, в отличие от детей, говорил: «Кто меня выпустит с моей секретностью?» История с «Курском» его доконала, никак не мог примириться, что весь экипаж погиб, все сто восемнадцать человек. До сих пор двенадцатого августа – не подходит.

Они в своем КБ на голом энтузиазме тему толкали, костюмы разрабатывали, типа акваланга, оборудование всякое, чтобы из лодки выходить. Придумали людей через торпедный аппарат выталкивать. Только с обычным аквалангом через эту трубу не протиснуться. Так они сделали специальные баллоны маленькие, на тысячи атмосфер, Ладка какой-то гениальный клапан изобрел, для костюма. Убивает ведь не высокое давление – убивает кессонка при быстром подъеме. Вся проблема в скорости подъема и азоте. «Курск» на небольшой глубине затонул, всего-то сто восемь метров. Ладка говорит, что со ста метров людей вытащить – тьфу, ни один погибнуть не должен. Он где-то вычитал, что «Курск» был напичкан ИСС, то есть индивидуальными средствами спасения. НАПИЧКАН. Говорили, что спасатели некоторое время слышали стук изнутри. А что стучать, если они вполне могли САМИ ВЫЙТИ!? Ладка просто был и на стены кидался.

Говорит: «Двадцать лет жизни угробил, чтобы хоть одного спасти! И что, какая-то гнида выход запретила? Или все ИСС на базе оставили?»

Не хочу, говорит, мышиным спасателем быть. В двухтысячном году после двенадцатого августа вся их группа распалась.

Представляете, какое счастье может принести живая мышь с тонущего корабля? Ребята собирались не на дни рождения, а мышей праздновать: на юбилейную стометровую мышь они все перепились от радости, а стопятидесятиметровая мышь аккуратно перед пучком девятисто первого выжила. Мы девятнадцатого августа вместе с мышью в клетке закатились в ресторан, уже не помню куда. Клетку на середину стола, и все тосты – за мышь. И за Ладку кто-то отдельный тост предложил, за голову его светлую, мышь мышью, а не надо забывать, кто мышиный спасатель. Так и стали его называть: «мышиный спасатель». Нам с тех пор все стали дарить фигурки мышей, картинки разные, забавные фотографии. Жаль, что не смогли все увезти.

Официанты прибежали и кричат:

– Комендантский час объявили – освободите помещение!

Ладка хорошо уже выпил, встал, обнял метрдотеля за плечи и тихо так ему сказал:

– Мы, уважаемый, сейчас все встанем и уйдем, но только при одном условии... Согласен выполнить?

Все притихли, смотрят на него, ждут, чего отчебучит. Весь персонал уже по домам разбежался, почти никого не осталось.

– Согласен, – говорит, – на каком условии?

– А таком, что ты лично эту мышь съешь! Можешь в кляре – я не садист какой-то.

Мы из-за его допуска и уезжали не как все, а по старинке: через Венгрию и Австрию, и квартиру бросили. Правда, в две тысячи первом за нее много не получили бы.

Говорит: «Поехали отсюда, видеть их не могу. Когда страна предает своих детей – это страшно».

Я в Израиле очень быстро работу нашла: сначала даже не поняла, что выиграла по автобусному билету. Искали специалиста мышей резать и морских свинок – так это ж я. Это уже потом на дверь табличку прибили: «Др. Шпильман». А Владик попытался к военным морякам сунуться – так от ворот поворот. Они его, что ли, за шпиона приняли. Он пытался им втолковать, что занимался спасением утопающих подлодок, да куда там – и слушать ничего не захотели.

Его злости на русских хватило примерно на год, а потом он как-то потух. Говорит: «Везде одно и то же. Не представлял, что евреи – такие же козлы». Он всегда был уверен, что везде что-нибудь да найдет, чтобы семью кормить, а тут я оказалась главным кормильцем. Говорит: «Куда годится у жены на шее сидеть». Так и пошел в охранники. Я была очень против, считала, что уж лучше дома сидеть. Да где там, если решил, то не сдвинешь. О машине, правда, он со мной согласился, что не потянем. В Москве как-то обходились без машины, он и права-то получил перед самым отъездом. Он всю жизнь на военку работал, а оружия не любил. Когда его взяли в Хоум Центр, то больше всего радовался, что от пистолета избавился.

А так, положи руку на сердце, не знаю, много ли он выиграл. Как начнет про сотрудников своих новых рассказывать, особенно про начальника – туши свет. Игру себе выдумал, как ребенок – в цвета, наверное, чтобы не свихнуться. У него память прекрасная: он как принимает все эти названия забавные выдавать, так остановиться не может. Последний раз, когда на экскурсии были, даже теток моих завел:

– Это дерево, – говорит, – типичный Spring Vigor³⁰. Ух, ты, да это ж классический Green Willow³¹. А сосна-то какая! Прямо-таки Kiwi Squeeze³², а сухая трава вокруг – Downy Fluff³³.

Иногда он одежду начинает классифицировать. Как на кого пристально поглядит, мне сразу неловко становится, думаю, сейчас выдаст что-нибудь этакое, типа: «Посмотри, как ей идет Melted Butter!³⁴»

Я пытаюсь сдержаться, чтобы очень громко не засмеяться: рожа-то – вылитый кусок масла, точнее не скажешь.

А нашу лабораторию он вообще окрестил: «свиноморский курорт».

– Так где же папка? – спрашиваю.

– В машине оставил, я сейчас сбегаяю.

– Марш в душ!! – командую. – Завтра суббота, не удерет твоя папка.

Мне жутко хочется секса, этот рассказ его так меня возбудил, как раньше, в молодости. Я люблю его руки, когда он меня гладит. Вообще-то я не люблю прикосновений, но Ладка едва касается меня подушечками пальцев, и я просто уплываю, мне даже не надо все остальное. А сейчас, несмотря на свою больную от катания на лошади попу, я хочу почувствовать его внутри. Мне хочется оседлать его сверху, чтобы он сжал меня, чтобы его самого сжать ногами, как коняку эту.

³⁰ Весеннее оживление

³¹ Зеленая ива

³² Сок киви

³³ Нежный ветерок

³⁴ Растаявшее масло

Субботним утром просыпаюсь рано, потому что попа болит еще сильнее, чем вчера. После лошади надо было переждать дня три, а не бросаться на мужа. Или... горжетку подложить. Он-то еще небось спать будет заполдень. Я накидываю ветровку на махровый халатик и бегу вниз к стойлу, чтобы взять из машины знаменитую папку.

Ставлю вариться кофе и по-быстрому сооружаю себе сепаратный завтрак – яичницу в пите. Тру пармезан, мелко режу помидор и кинзу – субботний деликатес получается. Так, с питой в одной руке, кофе в другой и с папкой под мышкой иду на диван «изучать материал».

Первая вырезка – из нашей местной газеты: «Любовь лечит от рака». Бабушка рассказывает корреспонденту свою историю, как приехала в Израиль в пятидесятые годы. Длинно, со многими подробностями, рассказывает обо всей огромной семье, разлетевшейся по миру, что дети и внуки ее зовут переехать во Францию, но она не хочет, привыкла к городу N. Она никогда не ходила по врачам, а когда почувствовала себя совсем плохо, то диагностировали рак толстого кишечника в запущенной стадии, случай, по всеобщему мнению, неизлечимый. Ей дали прогноз на три-четыре месяца. Внуки сделали все, чтобы скрасить старушке последние дни – окружили ее вниманием и заботой, покрасили комнаты в розовый цвет, навещали почти каждый день. Через год старушка все еще жива, более того, СТ показывает, что от рака не осталось и следа. Она расписывает, какие замечательные у нее внуки, и что она переписала на них свой домик. Внуки на фотографии красноглазые, смотрятся не хуже вампиров, видно, снимали со вспышкой и не сделали никакой коррекции. Репортеру они клянутся в вечной любви к бабуле. Орли, так зовут внучку, хвастается, что когда покупали краску для дома, то выбрали «Grandma's», чтобы бабушке было приятно.

Что ж, отмечаю, довольно логично, любовь лечит. Перебираю пластиковые конверты и вынимаю последний, я вообще-то люблю начинать с конца.

История все из той же местной прессы. В четверг после полудня на популярную радиостанцию приглашают знаменитостей. Поскольку популярность не всемирная и даже не общеизраильская, то и знаменитости исключительно местного пошиба: шеф-повар отвратительного, но отчаянно дорогого ресторана; начинающая певица, которую нельзя и на выстрел подпускать к микрофону; модный диск-жокей, славный дискотекой, где постоянная поножовщина. Среди гостей попадает женщина-медиум, которая берется по телефону в прямой трансляции давать судьбоносные советы наивным радиослушателям. (Я вспоминаю сладенький голос радиостанции «Маяк»: устраивайся поудобнее, дружок... я расскажу сказку.) Звонит одинокая женщина сорока девяти лет и жалуется, что она всеми силами пытается найти спутника жизни, но не может. Медиум с первых же секунд прерывает ее и говорит:

– Я вижу основную проблему в том, что ты себя не любишь. Это верно?

– А что ты имеешь в виду?

– Надо больше себя любить. Ты не вкладываешь в себя, и поэтому у тебя проблемы.

– И что же я должна делать?

– Вкладывать! Ты закрепощена! Тебе трудно осознать себя, ты не можешь на себя потратиться, ты экономишь на себе, на своих удовольствиях, на развлечениях, на всем, что касается тебя. Раскрепостись, и у тебя должен кто-то появиться. Ты меня поняла?

– Не совсем.

– Вложи в себя – пойди и сделай массаж, пилинг лица, новую прическу. Купи новую одежду, постарайся выбрать не то, к чему ты привыкла, а что-то другое. Сделай в квартире ремонт, наконец, перекрась комнаты в другой цвет, измени свою жизнь.

Первым делом тетка бросается делать ремонт и нанимает специалиста по интерьерам. И надо же, не успела просохнуть краска, как модный архитектор, помешанный на экстравагантных интерьерах, сообщает корреспондентке местной газеты, что тоже нашел свое счастье.

Следующая статья в центральной газете – о дорожных происшествиях. Она начинается с серии снимков, сделанных посреди зимы камерой наблюдения на Аялоне – автостраде, пере-

секающей Тель-Авив. Без видимых причин едушую в левом ряду машину заносит, ее несет вправо, она пересекает все четыре полосы и на полном ходу врежется в опору моста. Очевидцы происшествия находятся в шоке. Авария происходит как бы на пустом месте. Корреспондент долго рассказывает о судьбе молодой женщины, недавно окончившей Технион. Я с удивлением выясняю, что она работала химиком в моей же фирме, только в соседнем городе. Я даже вспоминаю, что висел некролог на проходной. Читаю обычную историю израильской девчонки: школа, армия, путешествия по Южной Америке, Технион. Вспоминается незабвенное: «Спартсменка! Ка-амсомолка! Кра-асавица!» Бесконечные интервью со школьными друзьями, с товарищами по армии. Ее официальный друг чувствует себя героем из-за внимания прессы. Небольшая врезка с комментариями из полиции: в крови погибшей обнаружена изрядная концентрация наркотика. Родные и близкие, друзья и знакомые, сотрудники – все как один отрицают результаты анализа. Корреспондент не дает никаких дополнительных комментариев.

Доедаю питу с яйцом и допиваю кофе. Кладу папку на столик и иду глянуть, как там мужик. Спит себе спокойно: рассказал небылицу, потрахался сладко, а теперь жена расхлебывай. Возвращаюсь обратно и принимаюсь за следующий конвертик.

Статья называется «Глаза на четверых». Женщина из мошава, которую зовут Дина, слепа от рождения. С год назад она услышала по радио выступление представителя собачьего питомника для слепых, что требуется временное пристанище для щенков, будущих поводырей. Примерно в то же время друг ее семьи в результате болезни ослеп, и стал нуждаться в помощи собаки. Это побудило Дину начать выращивать щенков для питомника. Она отремонтировала дом и взяла нескольких щенков лабрадора, а когда прошел год, за одним из щенков приехал тот самый друг ее семьи. Между ними проскочила искра, и с тех пор они не расстаются, даже решили пожениться и вместе выращивать собак-поводырей. Они взяли еще щенков, в том числе и тех, кого отказались содержать другие семьи. Одного из щенков назвали «Динка» по имени знаменитой собаки из фильма – Дина улыбается, ей нравится говорить о таком совпадении имен. Она говорит, что Динка – очень покладистая собака и с ней легко управляться.

Из всех питомцев Динка больше всего привязана к Дине. Несмотря на юный возраст, Динка уже умеет сопровождать слепых, но Дина не может без содрогания думать о том моменте, когда придется с ней расстаться.

– Ведь это часть моей души, – говорит Дина со слезами на глазах, – наверняка, потом возьмем еще щенков. Когда «видишь» результат своих усилий, то это лучшая награда в жизни. Я согласна забрать Динку обратно, когда лет через десять она не сможет больше работать и «выйдет на пенсию». Динка притягивает людей, – говорит Дина, – куда бы мы ни пошли, ее встречают словами «хорошая собака». Часто спрашивают: «Как можно через год передать собаку чужому человеку?» «Тяжело, – говорит, – но другие люди тоже нуждаются в помощи. Я больше не одинока в жизни, как они. У меня есть мой Арье.»

У-у-ф-ф!

История-то «о людях хороших», и собак я люблю, только до чего же суконно написана. Чуть не померла со скуки. Следующая заметочка обещает быть поинтереснее. Называется она «Близнецы в мошаве»³⁵.

Но не подумайте, речь не идет о каких-нибудь заурядных братьях-близнецах. Судя по фотографии, на которой самолет оседлал дом, корреспондент замахнулся на эпохальное сравнение падения маленькой «Сесны» на деревенский домик с терактом века в Нью-Йорке.

И действительно, случится же такое! Братья-близнецы по фамилии Давиди расстались лет тридцать тому назад. Обычное дело, наследство не поделили, вот и расстались. Старший на пару минут Давид Давиди получил дом в мошаве и остался сторожить отцовское гнездо. А его младший брат Дани Давиди посчитал себя ущемленным и переселился (угадайте с трех раз,

³⁵ Изначально – сельхозкооператив, в наст. вр. – загородный поселок

куда) в наш маленький город N. Здесь Дани Давиди развернул бурную деятельность в плане обеспечения населения фалафелем³⁶.

Такую бешено прибыльную деятельность, что попал он не только в сферу крышевания местных криминальных структур, но и в круг интересов народных избранников, неизменно перед выборами затевающих «хождение в народ». Хождение же в народ в городе N заключается в посещении заведения «Фалафель Дани», потому что какой-то очередной аналитик общественного мнения определил, что кушатели фалафеля у Дани с абсолютной точностью предсказывали результаты выборов с одна тысяча девятьсот какого-то года. Засмеялись? Или запахло вам кушать фалафель? Да только Дани Давиди входит сегодня в число самых богатых жителей Израиля и владеет огромными массивами недвижимости на N-щине, да и Манхеттене тоже. Он помирился с братом-мошавником и жертвует миллионы в пользу бедных. «Фалафель Дани» даже готов бесплатно дать питу с фалафелем каждому, кто только ее попросит.

Ладка рассказывал, что Дани Давиди собственной персоной сентиментально посетил их филиал, когда открывался рядом очередной фалафельный киоск его имени. Непонятно, зачем это ему понадобилось, наверное, покрасоваться хотел, только он еще зашел в Хоум Центр. Приперся к Владику в отдел и стал ему голову морочить: подбирать цвет для «Сесны». Ладка тогда очень гордился, что вся свита выбор одобрила (еще бы она не одобрила), а я и сейчас название помню: Kind Sky³⁷.

Как-то в пятницу утром Дани Давиди взлетел с аэродрома в Герцлии и взял курс на родной мошав. Через несколько минут у его «Сесны» отказал двигатель. Дани тянул, сколько можно, чтобы приземлиться в поле, но высоты не хватило, и он врезался в черепичную крышу... отчего дома. Сам он получил всего несколько синяков, но снес у дома печную трубу, упавшую на его брата.

Израильская пресса милостива к Дани Давиди. Трудно сказать, почему. Его прошлое – туманно, его настоящее – ослепительно. Скорее всего, причина проста: Давиди свой в доску, не кончавший университетов парнишка, начавший с фалафеля, продолживший строительством домов в мелком израильском городе N, добравшийся в итоге до высот Манхеттена. Дани жертвует огромные суммы в Израиле и держится в стороне от политики. Ему сходит с рук даже странный трагический случай – смерть брата. Экспертиза признает техническую неполадку, и уголовное дело закрывается за отсутствием состава преступления.

Классно!! Я всегда говорила, что газеты нужно использовать в качестве слабительного (пардон, усрать можно).

Но кажется, что сегодня мне придется как следует накушаться гороху, потому что натыкаюсь на очередную святочную историю. Называется она «Выставка из прошлого». Опять эти окрестные мошавы с их примерно-положительными жителями. Ну почему мошавник не может быть сволочью? Где воры и проститутки из киббуцев и мошавов, о которых мечтал Бен Гурион?

Так вот, «Выставка из прошлого» – это собрание старого хлама, который десятки лет выкидывали на свалки, разбирая завалы в доме. А нынче этот хлам вошел в моду и стал стоить огромных денег. История, однако, вновь про загадочную и таинственную встречу двух сердец – Мали и Гиди. Мали начинает организовывать выставку инструментов и домашней утвари полувековой давности. «Естественно», выставка приурочена к шестидесятилетию основания нашей страны и несет... (заполните сами, блин, какое значение в воспитании молодежи она несет). Выставляются старые алюминиевые тазы и баки для белья, бидоны и бутылки для молока, стиральные доски и подносы, весы со стрелками и гириями из продмага, даже нашли древние счеты. Колеса от телеги и швейная машинка «Зингер» – обязательно, бороны и плуги – опционально.

³⁶ Жареные в масле шарики из овощной смеси с пряностями

³⁷ Ласковое небо

Гиди был знаком с Мали примерно с основания мошава, с тех самых укромных и былинных времен, но как-то не обращал на нее внимания. Теперь же они оба вдовцы, и Гиди взялся помогать Мали с выставкой. Клик-клак, динг-дринг – Гиди заявляет, что не может жить без Мали, что она – женщина его мечты, и ее (хотела сказать: старые штаны) выставка открыла ему глаза, которые были закрыты до сих пор. С особой гордостью организаторы рассказывают о воссозданном процессе приготовления меда с начала и до самого конца. Тут я натываюсь на какую-то странную фразу. Прочитываю ее несколько раз, но смысл предложения ускользает совершенно: «Место сие включает рабочую ячейку, сопровождаемую реальным опытом открывающегося познания значения и функций пчел».

У-у-у! И за что такое наказание?

Интересно, думаю: как вся эта, с позволения сказать, фигня связана с Владиком? Будить его неохота – жалко будить, но любопытство мое уже перешло в раздражение. Проснется – придется допрашивать с пристрастием. Ищу по конвертам что-нибудь из центральной прессы, а то местная уже сильно надоела.

Нахожу, наконец. Тихая субботняя ночь в городе с гордым названием... N, конечно. По двум центральным улицам несутся машины. Светофор уже давно спит – перешел в режим мигающего желтого. Машины сталкиваются, не тормозя, под прямым углом на скорости километров сто каждая, и дальше образуется горящая куча-мала из припаркованных у тротуара непричастных транспортных средств. Вся доблестная пожарная команда города N в количестве двух разукомплектованных единиц срывается, как на пожар. Полиция, локализованная в соседнем райцентре, как всегда, запаздывает. Добрая половина жителей города N высыпает на освещенные сполохами улицы. Сцена напоминает падение «Катюши» времен недавней войны.

Картину происшествия восстановить невозможно, так как оплавился даже асфальт. У каждого из водителей было по несколько серьезных нарушений, и штрафных очков многовато даже по разгильдяйским израильским понятиям. Полиция готова обвинить возвращавшегося после ночного дежурства врача, не уступившего дорогу помехе справа. Корреспондент и общественное мнение настроены против школьного охранника, посетителя ночной вечеринки, остальные участники которой отрицают само существование алкоголя. Мое исследовательский пыл на этом остывает окончательно, и я швыряю папку на журнальный столик.

В салон wpłyвает заспанное и всклокоченное чудовище и, моргая на яркое осеннее солнце, справляется о завтраке.

– Получишь, – говорю, – завтрак, только опоздай сперва этих типов. – Беру со столика статью про ночную аварию.

– Sleepy Pink³⁸ и Berry Wine³⁹.

– Кто из них кто? – спрашиваю.

Выясняется, что с работы в больнице возвращался Sleepy Pink, а с вечеринки Berry Wine. Здорово, думаю, получается, как нарочно кто-то позабавился. Следующая мысль, что позабавился-то ни кто иной, как драгоценный мой. Иду жарить еще одну яичницу с помидором и пармезаном.

– Чем тебе не угодили эти двое?

– Да ничем, – говорит.

– А все-таки? Тебе Марио этот про них ничего не говорил?

– Да нет, вроде. А откуда статья?

– Из папки, вестимо.

– Да ну, – оживляется, – и что там с ними приключилось?

³⁸ Сонный (вялый) розовый

³⁹ Ягодное вино

– Так, мелкая авария, столкнулись посреди ночи на пустой дороге и соорудили маленький костер из десятка машин.

– Э? Правда? Но ведь живы остались?

– Не-а! – говорю мстительно и разворачиваюсь от плиты. – Сгорели. Так что там у тебя за зуб на них вырос?

– Какой еще зуб, – трет лицо руками, – просто жлобье! Эй? А ты серьезно? Дай газету!

Этим всегда и кончается: сидит мужик за столом, не замечает, чего ест, в газету уставившись. Сажу напротив, пью кофе, наблюдаю. Вилка-то на полпути ко рту останавливается, потом взгляд поднимается от газеты и в меня упирается.

– А это точно из папки, ты не перепутала?

– Да откуда ей еще взяться?

Молчит, смотрит в тарелку, доедает остатки помидора в яйце, подбирает пармезан хлебом. Встает, не говорит ничего, подходит и прижимает мою голову к животу двумя руками.

– И что делать будем? – спрашивает.

Высвобождаю голову, чтобы ей помотать, мол, не знаю. Фыркаю ему носом в живот:

– Выкладывай начистоту! Что было-то?

Берет мою голову в руки и серьезно так говорит:

– Глядя на этих двоих, понимаешь, что такое человеческий мусор.

– А ты, значит, этот мусор сжег? – Помимо воли вырвалось, типун на язык, ну ей-Богу, а Владик отпустил голову и отвернулся.

– Выходит, – говорит тихо. – Только не нарочно.

– Верю, что не нарочно.

– Понимаешь, – вздыхает, – люди заходят разные, хорошие, плохие, застенчивые, наглые... А бывает отребье... Такой, знаешь, волчара с пустыми глазами... Обслуживай его.

– Оба два?

– Ну, да, – кивает. – А ты, что, всю папку успела посмотреть?

– На середине сломалась. Как начнешь читать местную прессу, так живот прихватывает, в больших дозах – опасно для здоровья.

– Ну и?.. Чего там?

– Пятеро погибших от несчастных случаев и семь слюнявых историй как раз для сюжета мыльных опер. Тошнит уже, оставшееся сам читай.

– Придется, наверное.

– Ладно, – говорю, – мы с тобой два доктора философии – так давай пофилософствуем: или это полная лажа, и над тобой кто-то хорошо подшутил, или это правда, и ты... – я замолкаю, потому что язык не поворачивается продолжить фразу.

– Ты это к чему?

– Диалектику в институте сдавал, научный подход проходил?

– Ну?

– Давай применять на практике. Сейчас я тебе покажу фотографии клиентов, а ты мне ответишь, что ты им продал. Мы составляем таблицу, в которой пытаемся, с одной стороны, выявить соответствие между названием краски и тем, что с этим клиентом произошло...

– А с другой?

– А с другой, ты колешься и рассказываешь все, что ты думал о своем покупателе, когда продавал ему краску.

– А если это неприлично?

– Стерплю как-нибудь – терплю ведь тебя, охальника, уже столько лет.

– Тогда давай с негатива начнем. Марио сказал, что счет тринадцать – шесть, а пять ты уже обнаружила.

– Про троих я знаю: Alpine Echo попал в лавину, Sleepy Pink, скорее всего, уснул за рулем, а Berry Wine был слишком пьян, чтобы осторожничать, и попал под Sleepy Pink. Так?

– Да вроде...

– Авария на Аялоне – кто эта девица?

– Lady Di⁴⁰.

– Шикарно! А что она тебе такого сделала?

– Ничего.

– Не ври.

– Не мне.

– Колись давай!

– Сестренку ударила.

– Так, и за это...

– Выходит, что так.

– погоди, – говорю, – дай-ка я вырезки надпишу.

Вытаскиваю из конверта статью про Давиди.

– Про Дани Давиди я запомнила: Kind Sky, может, поэтому он и выжил, а вот братец его чем тебе насолил?

– Ничем.

– Вован, ты опять за свое?

– Я еще когда в охране стоял видел, как он с женой повздорил; так он захлопнул дверцу перед ее носом и уехал, оставил на стоянке. Она просто ошеломенела, даже не сразу сообразила такси вызвать.

– Да-а, нехорошо женщину обижать – за это можно печной трубой по башке заработать, с летальным исходом.

– Ты это серьезно?

– Выдумала, конечно.

– Дай поглядеть.

– Чем кодировал братца-то?

– Crushed Rock⁴¹.

– Ага...

Корябаю быстренько Crushed Rock на полях газеты и принимаюсь разыскивать шестую жертву. Землетрясение в Перу – в числе погибших турист из Израиля. Далеко же он его послал, если в Перу.

– Узнаешь? – спрашиваю.

– У-гм.

– Так да или нет?

– Да. Turned Earth⁴².

С криминалом все?

– Похоже, что все. А за что в землю-то закопал?

– Наглец он.

– Значит, за наглость?

– Ну да.

– Вовочка! – выдыхаю шумно (Вовочка – это последняя степень устрашения).

⁴⁰ Принцесса Диана

⁴¹ Щебень (разбитый камень)

⁴² Вывернутая земля

– Его Марципан прислал, просил максимальную скидку дать – ну я и дал. Так этот тип еще требовать стал, скандалил, все ему мало было. Даже самого Марципана пришлось на помощь звать, чтобы утихомирить.

– Ну-ну, наглецов надо учить. В Перу их.

Не то, чтобы у меня наполеоновские планы в смысле субботней готовки – просто захотелось после казенной столовки и сухомятки ароматного домашнего бульончика. А потом из замученной в бульоне курицы я намереваюсь соорудить сациви. По всем правилам: с орехами, кинзой, хмели-сунели... Удаляясь на время приготовления бульона на кухню, я задаю Ладке урок: составить табличку с его криминальными достижениями. Пока курица закипает на плите, заглядываю через плечо на экран.

Выглядит это так:

Alpine Echo. Попал в снежную лавину в Альпах. Клептоман из богатой семьи ворует по мелочи.

Lady Di. Погибла в автокатастрофе в Тель-Авиве, врезалась в опору моста. Побила сестру.

Crushed Rock. Самолет врезается в дом, и на голову падает каминная труба. Нагло оставил жену на стоянке одну.

Turned Earth. Погиб во время землетрясения в Перу. Скандалит на пустом месте и требовал скидку.

Sleepy Pink. Заснул за рулем и погиб в аварии. Жлоб, каких мало.

Berry Wine. Напился на вечеринке и погиб в аварии. Жлоб, каких мало

Табличка небольшая, но показательная.

Ладка сидит и читает вслух о землетрясении в Перу:

«Около ста двадцати израильтян, путешествующих по Перу, пока не установили связь с близкими после разрушительного землетрясения в этой южноамериканской стране. Как рассказал раввин Шнеур Залман Блюменфельд из общины хабадников в Перу, те израильтяне, которые находились в Лиме и в Куско, не пострадали. Беспокоит лишь состояние тех, кто во время землетрясения оказался в его эпицентре, в провинции Ика, в 160–180 км южнее столицы Лимы. К слову, в эпицентре сила землетрясения составляла 7,9 балла по шкале Рихтера. Раввин Блюменфельд отметил, что в наиболее пострадавших от удара стихии областях прервалась подача электричества, воды, нарушилась работа телефонных сетей. Возможно, именно по этой причине израильтяне, путешествующие по тем районам, пока не сумели выйти на связь с родственниками. По словам Блюменфельда, члены общины вместе с сотрудниками посольства Израиля в Лиме пытаются составить полный список находящихся в Перу соотечественников. По данным экстренных служб Перу, на данный момент известно о 400 погибших и о 1050 получивших ранения разной степени тяжести.

К сожалению мы можем констатировать факт, что погиб один наш соотечественник.»

– Давай, – говорю, – другую табличку составлять, положительную. Я знаю семь случаев:

Grandma's. Старушка излечилась от рака.

Cupid Green⁴³.

Одинокая женщина находит мужчину своей мечты.

Golden Rain. Пенсионер три раза выигрывает в лотерею первый приз.

Infant Smile. Женщина сумела забеременеть, несмотря на приговор врачей.

Engaging⁴⁴ Слепая женщина находит спутника и призвание в жизни.

⁴³ Зеленый купидон

⁴⁴ Знакомство, переходящее в более серьезные отношения, или помолвка.

Kind Sky. Народный миллионер выживает в авиакатастрофе. Intimate Evening⁴⁵ Одинокaя пенсионерка из мошава находит друга.

Чищу коренья для бульона и размышляю. Готовка меня в последнее время как-то успокаивает. Наверное, это потому что я не переутомляю себя на этой ниве. На работе меня кормят, а в последнее время можно обед с собой на вынос брать. Платишь червонец – и наполняешь чем угодно алюминиевый подносик, как в самолете: гарниры, салаты, шницели. Я наладилась Ладке каждый день подносики носить – на завтра. Все его сотрудники завидуют. А вечером все-таки хочется домашнего. Я в столовой в сторону вареной курицы и смотреть не могу, а дома, пока последний звонок не обглодаю, не успокоюсь.

По профессии я – врач, так получилось. Хотела поступить на биофак ЛГУ, да носом не вышла. Пойду, думаю, в медицинский на годик, а потом – опять на биофак, но так в медицинском и осталась. После окончания меня пристроили в академический институт мышей резать. Бросаю лук, морковку, сельдерей, корень петрушки и зубчики чеснока в кастрюлю, а мысли крутятся вокруг этих проклятых красок. Чуть не забываю про имбирь, зерна кинзы и стебли укропа. Черный перец еще, английского горошину, и через часок бульон готов. В Израиле диплом кандидата, пардон, доктора наук признали без всякой проверки, а диплом врача – замучаешься экзамены сдавать. Ну да ладно, меня мой мышиный диплом вполне устраивает, все равно я лечить никого не собираюсь.

Я когда-то давно психиатрию тоже сдавала. Дразнила Владика и команду его ССИ – синдромом сверхценных идей. Вспоминаю незабвенный учебник советских времен: «синдром сверхценных идей – патологическое состояние, характеризующееся возникшими в результате реальных обстоятельств стойкими аффективно окрашенными идеями, преобладающими над всеми остальными представлениями». Его ребята из КБ любили по домам собираться и устраивать что-то типа мозгового штурма. В те времена нормы спирта были не меряны – как температура в помещении зашкалит, так я выхожу и зачитываю:

– ...Сверхценные идеи возникают, как патологическое преобразование естественных реакций на алкоголь. Эти идеи – ревность, любовь, реформаторство, И-ЗО-БРЕ-ТА-ТЕЛЬНОСТЬ – рассматриваются больными как разумные и обоснованные, что и побуждает их активно бороться за реализацию идей. При благоприятных условиях сверхценные идеи исчезают. В случаях прогрессивного развития процесса возможен последовательный переход от сверхценных идей к бреду...

Тут Владик и выдай:

– Поздно уже, у нас с семнадцатого года прогрессивное развитие, да и обстоятельства неблагоприятные.

Запах моего варева распространяется по квартире. Разливаю по кружкам обжигающий напиток, и иду потчевать. Ставлю кружку в пределах досягаемости, максимально удаленной от клавиатуры – были прецеденты. Бульон благоухает божественным букетом. Ладка начинает приноживаться, поводя брылями, как голодный спаниэль. Я люблю использовать специи, за что он как-то в молодости назвал меня в шутку: «Карлик-нос». Ух, как я на него тогда обиделась! Он до сих пор, кажется, чувствует, что перегнул палку. Опасается. За «карлика» я бы сердиться из-за врожденной миниатюрности не стала, а вот шнобелем наградила-таки меня еврейский Бог.

– Как успехи? – спрашиваю.

– Мои чары почему-то отменно действуют в Юго-Восточной Азии. Вот, полюбуясь.

Читаем вместе: «На самолете, разбившемся в Покете, были израильтяне».

«Трагедия в Таиланде: по крайней мере 88 человек погибли и 42 пострадали в катастрофе во время посадки на острове Покет на северо-западе Таиланда. Во время проливного дождя самолет слетел со взлетно-посадочной полосы и раскололся надвое.»

⁴⁵ Интимный вечер

– Какая-то сила выбросила меня вместе с сиденьем наружу, – рассказывает единственная выжившая в катастрофе израильтянка Дорит, – от удара о землю я потеряла сознание и очнулась в больнице спустя несколько часов. Быстро выяснилось, что никаких повреждений, кроме нескольких синяков и царапин, я не получила. На рейсе было еще по крайней мере шесть моих соотечественников, о судьбе которых мне ничего не известно.

– Интересное дело, – говорит Владик. – Двойная защита получается: High Up⁴⁶ и Angel Blue⁴⁷.

Надо же: из самолета вместе с креслом на траву бросило.

– И по какому поводу благоволение?

– Шут его знает. У нее было очень интересное лицо...

– Красивое?

– Нет, не то... одухотворенное.

– Да, редкий случай в нашем климате. Бульон остывает.

– М-м-м, вкусно!

– Номер восемь прояснили. Что еще?

– Крушение поезда на подъезде к городу N: пятеро погибших и десятки раненых.

– И?..

«Поезд на пути из Тель-Авива в Хайфу столкнулся в полдень с пикапом на переезде недалеко от города N. В результате несколько вагонов сошло с рельсов и перевернулось. Пятеро пассажиров погибли и около восьмидесяти получили ранения, преимущественно из первого вагона. Спасательные команды, прибывшие на место происшествия, обнаружили под месивом обломков живую и невредимую женщину. Расследование происшествия показало, что незадолго до двенадцати часов дня на переезде столкнулись бортами две машины: «Исузу» и «Фольксваген». В результате «Исузу» выбросило на рельсы. Несколько секунд спустя поезд столкнулся с машиной. Команды «скорой помощи», прибывшие на место, констатировали смерть пяти пассажиров. Восемнадцать легко раненых доставлены в больницу города N. Движение поездов между Тель-Авивом и Хайфой прекращено. Тепловоз, на который пришелся основной удар, раскололся на две половины. Первый вагон тоже очень сильно пострадал: он частью взгромоздился на тепловоз, частью остался на рельсах. Сила удара была такова, что даже молодые эвкалипты по сторонам дороги были вырваны с корнем. Двери вагонов нашли за десятки метров от места происшествия. Чудом спасшаяся женщина, ехавшая в голове первого вагона, рассказывает, что картина крушения была очень тяжелая: стоны и плач со всех сторон».

– Каким образом выжила? – спрашиваю.

– Smooth Way⁴⁸.

– И за что такая пруха-везуха?

– Не знаю, – говорит и прихлебывает бульон из чашки. – Наверное, просто понравилась.

– Ага... из серии того самого, неприличного: смазливая мордашка, большая грудь и круглая попка.

– Вы, женщины, чуть что – сразу так! А может...

– Исключительно из-за знания уравнения Бернулли и рядов Фурье.

– Доктор, если вы исчерпали свои сведения из программы технического вуза, то можете идти и препарировать несчастную птицу, нареченную родственными вам северными племенами «курой».

– Зараза московская! Только попроси сациви – хрен получишь!

⁴⁶ На самом верху

⁴⁷ Ангельски голубой

⁴⁸ Ровная дорога

– Московская зараза, доктор, как вам хорошо известно, передается исключительно половым путем посредством московской прописки!

– Высокие северные цивилизации всегда подвергались нашествию варваров с востока, – оставляю за собой последнее слово и гордо удаляюсь «препарировать куру».

Черт знает, что я думаю в этот момент. До последней секунды меня не оставляет ощущение, что все это глупо до последней степени – какое-то продолжение его игры в краски. Но подспудно накатывает неуютная и тревожная мысль, даже не мысль – какое-то неосознанное чувство, что это может быть гораздо серьезнее. Дает трещину выстроенная на века из всех материализмов стена.

Хватаю пару вилок и с применением чрезмерной силы втыкаю в бедную тушку. Результат не заставляет себя ждать: кура, при попытке аккуратно вытащить ее из кастрюли целиком, разваливается и ныряет обратно. В последний момент сдерживаю готовые вырваться непечатные слова, так как понимаю, что со стороны заразы последует противное хихиканье и хрюканье. Процеживаю бульон и отделяю мясо от овощей. Морковку тоже отделяю и кладу обратно в кастрюлю. Теперь предстоит аккуратно перенести разварившиеся лук, чеснок и сельдерей в миксер. Добавляю еще одну свежую луковицу и зубчика четыре чеснока, подливаю жидкости и как следует перемалываю все вместе. Теперь очередь грецких орехов. Засыпаю все, что осталось после набегара заразы на двухсотграммовый пакетик. Осторожно включаю миксер на несколько секунд, чтобы кусочки орехов не получились слишком маленькими. Конечно, лучше всего по оригинальному рецепту подавить орехи вручную, но такой подвиг мне давно не под силу. Разнимаю слегка остывшую куру на небольшие куски, попутно обглаживая скелет. Почти готово: осталось залить куру соусом, добавить хмели-сунели и тертого сельдерея, и, конечно, мелко нарубленный пучок кинзы и гранатовый концентрат. Все, дальше нужно варить на медленном огне. И следить, чтобы не нанесло заразу. Когда полностью исчезает чесночный запах и привкус – выключаю. Кстати, по вкусу можно добавлять все, что угодно: аджику, перец, можно использовать и другие смеси вместо хмели-сунели, какие кто любит.

Доводка сациви до кондиции сопровождается сегодня поразительным отсутствием всякого интереса со стороны заинтересованных лиц. Подхожу потихоньку и вижу: сидит в кресле, закрыв глаза. На экране первая табличка, которая дополнилась еще одной строкой, седьмой по счету. Наверное, Марио просто ошибся. Рядом еще вырезка из газеты про аварию парома в Таиланде. (Опять Таиланд, и что это всех так тянет в Таиланд?) Читаю, естественно:

«Медовый месяц на райских островах Таиланда превратился сегодня утром в ужасную трагедию, когда паром, на котором вышли на прогулку тридцать пять израильтян, перевернулся и затонул. С утра израильский турист, житель города N двадцати шести лет, женившийся неделю назад, был объявлен пропавшим без вести..»

– Этого парня так и не могут найти, мы очень опасаемся за его жизнь, – говорят находившиеся на пароме и спасшиеся израильские туристы.

«По истечении нескольких часов тело нашли, и штаб министерства иностранных дел получил информацию о трагедии. Паром с шестьюдесятью пассажирами на борту находился в километре от берега Кофифи. В соответствии с сообщением властей, было спасено пятьдесят пять человек. Израильский консул находится на пути в Покет, чтобы помочь переправить тело на родину. В дальнейшем консул прибывает в Кофифи, чтобы помочь туристам из Израиля восстановить утерянные документы и билеты. Причина катастрофы парома выясняется, но по предварительным данным – это техническая неполадка».

– За что, – спрашиваю, – жениха утопил?

– Этого-то? Тоже мне, жених! До свадьбы трахал Нурит в подсобке, Марципан аж извелся весь.

– Та-ак. Интересная статистика получается, если «Эм» на «Жо» поделить: шесть к одному загубленных и, как там, два к семи спасенных-осчастливленных – это покамест. Седина, значит, в бороду, а бес – в ребро. Я и не думала, что ты такой бабник.

– Я не бабник, я сочувствую тяжелой женской доле.

– Ладно, хватит шуток; знаю, что за словом в карман не полезешь. Ты что обо всем этом думаешь?

– Думаю.

– Ну и?..

– Над двумя-тремя совпадениями можно посмеяться, а когда такая вот статистика набирается, становится как-то не до смеха. Черт его знает... Все равно – не вяжется. В голове не укладывается.

– Это точно – не укладывается.

– Как там было по философии: «Проверкой выдвинутой гипотезы является правильно поставленный эксперимент». А как его поставишь? Покрасить кому-нибудь комнату в Twenty Carats⁴⁹ и посмотреть, что он найдет на улице: кольцо с бриллиантом или золотой браслет? Или продать Desert Fire⁵⁰ и ждать, пока дом дотла не сгорит? А что может означать Star Magnolia⁵¹? Что эта самая магнолия свалится на голову, или под ее сенью явится прекрасная фея в прозрачной тунике с фисташковым мороженым и персиковым ликером? Покрасишь чего в Pесан Smell⁵², а потом выяснится, что смерть наступила от аллергии на ореховое масло.

– А жениху что всучил?

– Stormy Sea⁵³, но я тут ни при чем – сам выбрал.

– Значит, под твоим неусыпным оком. Ну и что дальше делать будем?

– Понятия не имею, у тебя-то идеи есть?

– Давай с папкой закончим, осталось всего ничего.

– Давай, может, придет что-нибудь в голову. Это что у тебя?

– Заметка из местной прессы: «Школьный охранник подозревается в совершении развратных действий по отношению к девочке шести лет». Читать дальше?

– Гадость какая. А фото есть?

– Нет, конечно.

– Жаль.

– Нет, погоди, – переворачиваю страницу, – есть, только со спины сфотографировали, затылок один.

– Дай сюда! – вырывает у меня газету и соображает что-то. – Сейчас я тебе его морду покажу.

Владик бросает вырезку на стол и начинает лихорадочно перебирать пластиковые конверты.

– Вот, полюбуйся! Я его и со спины узнаю, – протягивает мне заметку о ночной аварии. – Мусор – он и есть мусор. Скотина.

Мне в этот момент приходит в голову вопрос: а что бы я сама придумала, если бы мне представилась возможность сделать с ним все, что я захочу? Руки оторвала? Или, может быть, яйца отрезала? Или сожгла, как мусор? Или таскала бы на допросы шестилетнего ребенка и спрашивала: «Скажи, деточка, где злой серый волк тебя укусил?»

⁴⁹ Двадцать карат

⁵⁰ Пожар в пустыне

⁵¹ Звезда магнолии

⁵² Запах пекана

⁵³ Бурное море

– Поехали дальше, – говорю, – всего два конверта еще: «Иск на сумму семь миллионов предъявлен двум охранникам».

«Не укладывается в сознании, как простое судебное слушание дела двух разведенных супругов о содержании девочки в суде по семейным конфликтам может превратиться в жестокое столкновение. Врач из больницы города N предъявил на этой неделе судебный иск в семь миллионов шекелей. Ответчики – двое охранников, работающих в суде. В иске сказано, что безо всякой причины ответчики набросились на истца и нанесли ему тяжелые физические и душевные травмы».

Из иска. «В процессе судебного разбирательства в зале суда в непосредственной близости от истца находился охранник. Перед концом, когда бывшая жена истца закончила говорить, истец поднял руку и попросил слова. Охранник схватил истца за руку и попытался заставить опустить руку. По утверждению адвоката, судья не прореагировала на просьбу истца об удалении охранника. Напротив, другой охранник пришел первому на помощь, и истец был удален из зала суда».

Из заявления адвоката. «Истец не представлял никакой опасности для окружающих или для бывшей супруги и не вел себя агрессивно. Напротив, он был образцом сдержанности: не делал ни провокаций, ни заявлений с места. Он всего лишь потянулся вынуть бутылку воды, чтобы принять лекарство, когда на него снова набросились двое...»

– Хватит, хватит, не могу больше эту чушь слушать! – взмолился Владик. – Суд тоже наша фирма охраняет, знаю я этих ребят, и случай этот знаю. Мужики рассказывали, как этого бесноватого скрутили. Он в приемном покое работал. Нам Вики рассказывала, что ее сын как-то упал в школе на перемене и ногу сломал. Ей позвонили, сказали, чтобы в больницу ехала. Примчалась: парень один лежит, вокруг никого; одну ногу сломал, другую так рассадил, что зашивать надо, локти тоже в кровь ободраны. Она, естественно, крик подняла, чтобы подошел кто-нибудь – так выходит к ней доктор этот, с позволения сказать, и говорит: «На рентген надо». Она: «Так и везите! Чего дожидаетесь?!»

– И что?

– Знаешь, что он ей ответил?

– Ну?

– «Санитар кушает. Как покушает – так свезет».

– Сволочь какая!

– Вики, естественно, снова в крик: «Главного позови!!» А тот, обезьяна, руку ей вывернул и говорит: «Не заткнешься – полицию позову!»

– Чем все кончилось-то?

– Сама ребенка на рентген повезла, жалобу потом подавала. Ей из больницы какую-то отписку прислали.

– А что эта записка в папке делает?

– Sleepy Pink.

– Ага! А предыдущий – это Berry Wine?

– Точно. Как догадалась?

– Было очень сложно. Давай, последний конверт остался, сил уже никаких нет, и сациви ждет.

– Вынимай компромат.

– А сам?

– Ну, последний же...

– Черт с тобой, но учти: от этого становятся буйными. Если покусая – не жалуйся в Лигу Наций.

– А в Ложу Профессионалов – можно?

– Завсегда пожалуйста.

- Хоть на этом спасибо.
- Звучит многообещающе: «Серый удар».
- О чем это?

«Жизнь Анжелы из города N была черной: рано осиротела, подседа на наркотики, вышла замуж за садиста. Мы приводим ее историю накануне международного дня «Против жестокости к женщинам»».

- Опять спасение женщин? – спрашиваю.
- Да ладно тебе, читай...

«Когда Анжеле было 14 лет, умерла ее мать. Отец, занятый работой, так и не смог занять опустевшее место в сердце подростка (у-у!). У Анжелы не было братьев или сестер, и она чувствовала себя одинокой и впала в депрессию. Очень скоро девочка оказалась в уличной компании подростков, связанных с русской мафией (у-у-у!!). Началось все с алкоголя, а потом пошли наркотики: героин, кокаин. В 19 лет Анжела познакомилась с будущим мужем. Через месяц после знакомства они поженились, и сразу же начались побои. Когда у супруга была ломка, он ее бил и заставлял приносить ему наркотик (у-у-у-Ы!!!)»

– Все! Сил моих женских больше нет!! Можешь посмотреть на снимок-иллюстрацию производства студии «Клипарт», говори, чем лечил-спасал, и пошли есть сациви.

- Bells Of Holland⁵⁴.
- Далекая аналогия, но что-то в этом есть.
- С меня бутылка, – говорит Ладка по привычке и потягивается.
- Давай, – говорю, в полной уверенности, что кроме початой водки да остатков коньяка в доме ничего нет.

– Пойдет? – достает бутылку красного вина.

Я готова подпрыгнуть – это то самое «Божоле», которое мне вчера так понравилось. Стараюсь сразу вида не подавать, но знает, чем порадовать, зараза московская. Открываю крышку гусятницы под такой восторженный стон, что перед соседями неудобно, хоть окна закрывай.

- За что пьем? – спрашиваю.
- За международный день «Против жестокости к женщинам».
- Я, между прочим, потратила свой законный выходной на чтение идиотских слюнявых косноязычных статей. И кто-то тут имеет наглость предлагать тост «Против жестокости к женщинам». Как это называется?

– Тогда – за присутствующих здесь прекрасных дам!

Мы осторожно чокаемся бокалами, держа их за ножки, чтобы услышать музыку вина. Ладка свято чтит основное правило джентльмена: «Чокаясь с дамой вином, надо смотреть ей в глаза». И в этот момент меня, наконец, осеняет. До меня доходит, что за перемена произошла с моим мужем.

Глаза.

Горящие глаза. Огонь, которого я не видела уже столько лет. Может, все это и глупости, розыгрыш, чушь собачья, свиноморская, не знаю какая, но пусть будет все, что угодно, только не потухший усталый взгляд. Я поднимаюсь из-за стола и прижимаюсь грудью к его спине, зарываюсь лицом в его лохматую непричесанную по причине субботы голову. Давно забытое чувство, как когда-то в молодости. Тайна, загадка, задачка, проблемка, которой надо найти решение.

«Мышиный спасатель». В этом весь мой Ладка.

⁵⁴ Голландские колокола

3. Влады

Однако, тенденция.

Уснуть я не могу, то ли из-за того, что утром спал почти до двенадцати, то ли потому, что мысли всякие лезут в голову. А главная мысль: «Как ко всей этой истории относиться?» Хорошо, конечно, весело посмеяться и побалагурить, а если за этим действительно что-то стоит? И откуда только взялся этот Марио на мою голову, со своей дурацкой папкой. Ведь не один-два-три – многовато пунктиков насчитывается. Так как: тенденция или не тенденция? Без стакана, как говорится, не разберешься. «О!!», – думаю, это уже не мысль, а идея. Встаю потихоньку, чтобы Инну не разбудить, и заливаю пару ледяных кубиков чистой и прозрачной, как слеза, из морозилки. Включаю комп, и пока он грузится, ловлю себя на том, что братцы-кубики уже одиноко дренькают о стекло. Покрываю их снова и даю себе слово больше так не делать.

Принимаюсь дополнять таблицу, которую забросили на полпути. Начинать с негатива как-то не хочется. Итак, что мы имеем в плюсе:

Grandma's.

Старушка излечилась от рака.

Cupid Green. Одинокая женщина находит мужчину своей мечты.

Golden Rain. Пенсионер три раза выигрывает в лотерею первый приз.

Infant Smile. Женщина сумела забеременеть, несмотря на приговор врачей.

Engaging. Слепая женщина находит спутника и призвание в жизни.

Kind Sky. Народный миллионер выживает в авиакатастрофе.

Intimate Evening. Одинокая пенсионерка из мошава находит друга.

High Up, Angel Blue. Женщина чудом выжила в авиакатастрофе в Таиланде.

Smooth Way. Женщина осталась практически невредима в разбитом вагоне.

Bells Of Holland. Женщина излечилась от наркомании.

Всего десять строчек получилось, а Марио почему-то говорил о тринадцати. Наверно, он ошибся. Или у него где-то есть еще материалы, которые он просто не положил в папку. Перехожу к отрицательной части:

Alpine Echo.

Попал в снежную лавину в Альпах, Клептоман из богатой семьи.

Lady Di. Погибла в автокатастрофе, врезалась в опору моста. Побила сестру.

Crushed Rock. Самолет врезается в дом, и на голову падает каминная труба. Нагло оставил жену на стоянке одну.

Turned Earth. Погиб во время землетрясения в Перу. Скандалил на пустом месте и требовал скидку.

Sleepy Pink. Заснул за рулем и погиб в аварии. Хамло из больницы, бил жену и обидел Вики. Berry Wine. Ехал с вечеринки и погиб в аварии. Приставал к шестилетней девочке.

Stormy Sea. Утонул при катастрофе парома. Женился и имел любовницу.

Есть о чем задуматься. Я, конечно, не люблю, когда обижают детей и женщин, но не убивать же за это. Скажешь иногда в сердцах: «Чтоб ты сдох, паскуда!» А если тебя подслушает в это время тот, кто принимает решение? И паскуда сдохнет. Кто прокурор, что вынес приговор, а кто исполнитель? И виноват ли исполнитель, Аннушка небезызвестная? Как Марио сказал: «Повышение вероятности события». Является ли преступлением повышение вероятности события, разлитие масла, например? Иди разберись. Если просто наступить человеку на ногу грязным сапогом, а он после этого впадает в раздраженное состояние и попадает под трамвай

безо всякой Аннушки, это как? Ведь наступивший ему на ногу, получается, вероятность-то и повысил. Или, скажем, сделали женщине прическу неудачную, обкорнали в парикмахерской – идет она домой, и на красный свет не реагирует. Парикмахера казнить, или как? С Инной чего случись... Так попадись мне этот парикмахер в магазине: получит Xerxes⁵⁵ Blue в сочетании с Bubbles⁵⁶ – это уж по меньшей мере, можно еще и Wood Box⁵⁷ добавить, для надежности.

«Жених» этот, Stormy Sea, кому он мешал? Ходил парень одновременно за двумя девушками: одна – дома, другая – в подсобке или на складе, так весь ангар потешался. За спиной у Нурит смеялись, конечно, но вида не подавали. Не знаю, что Нурит себе думала, да только выйди она после такого quicky из туалета, как туда в момент Марципан шмыгал. Лишил я, выходит дело, всех сотоварищей бесплатного зрелища и вечной темы для пересудов. И что молодые и красивые девчонки на таких плюгавых вешаются, за что любят? Нурит, как узнала про свадьбу, неделю на работе не появлялась, а потом, глядим, опять хахаль начал ходить, как ни в чем не бывало.

Правильно в народе говорят: «Не клянись с рюмкой в руке». Разволновался я что-то, зря слово себе давал. Одно утешение, в отсутствие свидетелей самому себя прощать как-то не зазорно, глаза не колет. Ощущение, только странное какое-то, полного непонимания, что происходит.

Вспомнилась весна восемьдесят третьего... У нас в КБ объявили, что очередные испытания будут на Черном море, а не на Белом. Что сразу началось! Белое-то море всем уже поперек горла, а тут путевки на курорт чутьли не на месяц. Какие страсти разгорелись за места на испытаниях! Только напрасно копы ломались и жопы лизались – андроповский указ помните, о «повышении дисциплины»? Вот-вот, заперли всех на базе под Севастополем, а в городе военные патрули командировочных по пляжам да по кафе вылавливают. Но не в том суть, начинаем свою ИСС-ку запускать с мышами – все дохлые всплывают. И глубина-то небольшая, семьдесят метров всего, а дохнут, сволочи. На Белом море все отлично было, мы победителями на испытания ехали. Устинов хотел достижениями перед Политбюро похвастаться – из-за этого Черное-то море и выбрали. А мы со своими мышами были кем-то вроде клоунов в программе, чтобы господ позабавить. От этой забавы, правда, наше финансирование зависело, поэтому, сами понимаете: дирекция, партком. Первый отдел себя выше всех ставит – того и гляди в саботаже и измене обвинят, а мыши дохнут, проклятые. Кессонка вроде, а точно сказать никто не может. Надо мышей в Москву срочно отправлять, Инке в институт. Договорились, конечно, с гражданской авиацией. Привозим в Симферополь ящик с мышами, обложенными сухим льдом, прямо на летное поле, а летчик в последний момент видит, что из ящика белый дымок через щели пробивается.

– Вы что, – говорит, – оху-ли, мужики! Сухой лед в самолет! Я еще жить хочу!

– А что делать, – спрашиваем, – мы же хотели, как лучше.

– Что за груз-то?

Показываем ему накладную: «Секретно. Мышь белая мертвая – 27 шт.» Вижу, пилоту нашему как-то плохо становится – не верит. По поводу прибытия Полибюро в Крыму чрезвычайное положение объявили, аэропорт – зона повышенного внимания.

– Не повезу, – говорит, – в другое время, может, и взял бы, а сейчас, вы уж извините, мужики.

Не знаю, что и предпринять, нам мышей позарез отправить надо. Дело жизни и смерти.

⁵⁵ Ахашверош

⁵⁶ Пузыри

⁵⁷ Деревянный ящик

– Слушай, а что нам делать-то? Ведь это правда мыши, я тебе могу ящик открыть, сам посмотри. Возьми вот, в подарок от подводников, – даю летчику плоскую фляжку из титана на пол-литра спирта, полную, конечно.

– Сухой лед, – говорит, – никак не могу. Идите в буфет, скажите, Игорь послал, заполните ящик обычным льдом – тогда возьму.

– Протечет ведь.

– Хрен с ним, пусть течет. Соображать-то надо, мужики, углекислый газ – и в самолет.

Сдержал слово, взял мышей в Москву. Инна под утро позвонила: кессонка, нет никаких сомнений.

Вот тогда нам по-настоящему плохо стало. Мы же на Белом море все сто раз проверили да откалибровали, а как сюда приехали –дохнут, подлые, от кессонки. Давай, думаю, снимем еще раз график подъема, делать-то все равно нечего. И правда, подъем быстрее идет, чем нужно, вот идохнут. До главного показа остается всего три дня, а у нас нет ни одного положительного результата, и, что самое противное, не понимаем, в чем дело. Сидим дни и ночи на кофе. Хороший, думаю, отдых получился на берегу Черного моря, после него нам другой конец необъятной родины светит.

Что больше всего злило – это ощущение полной беспомощности и непонимание ситуации. За два дня настроение стало хуже не бывает, даже черный юмор иссяк. Нас двое в группе было лиц еврейской национальности: Владимир Ильич и Натан Моисеевич, Натик и Владик. Я его тогда по молодости Мойшевичем дразнил. Пошли мы с ним вечером прогуляться по пирсу, Натан и говорит:

– Плохо, что Андропов к власти пришел. Видишь, как они с дисциплиной закручивать стали, как при Сталине. Вы все молодые еще, справитесь как-нибудь. Я надеялся хоть одним глазком на Мертвое море посмотреть, а теперь и пенсии, небось, не видать, на Колыме. – А у самого на глазах слезы.

Меня в тот момент как молнией ударило.

– Мойшевич!! – ору на весь пирс. – Ты – гений!! Я знаю, что происходит! Мы идиоты все! Нас всех на Соловки надо за тупость!

Он на меня смотрит и говорит:

– Ильич, ты не шути так.

– Натик, мы все – мудаки! Ты, старый еврейский дурак, извини меня, молодого еврейского осла. Ты подумай, что ты сейчас сказал, насчет Мертвого моря! Соображаешь?!

Натан Моисеевич останавливается и говорит тихо:

– Соленость...

– Ну конечно! Мы же всегда на Белое море ездили, а тут...

– Надо перекалибровать с учетом плотности воды, а на это потребуется несколько месяцев испытаний, гражданин молодой еврейский осел.

– Придется рискнуть и выставить регулировку наглазок.

– У нас осталась завтра одна последняя попытка, молодой человек. Возьметесь всех угробить? Ильич, ты что? Ты забыл, что на каждом винтике пломба стоит? Ты нашу последнюю соломинку хочешь сжечь?

– Почему соломинку?

– Ильич, сам посуди: ты кто? Разработчик, инженер из КБ. Ты представил изделие на гос. испытания по утвержденной программе. Изделие эту программу прошло, о чем есть подписи и печати. После твоей подписи еще два десятка стоит. Как только разбирательство начнется, все друг на друга валить станут. А наша очередь в ад отнюдь не первая, ведь на что угодно можно прицел навести: заводской брак, нештатная транспортировка, неправильное складирование, отсутствие надлежащего инструктажа, а ты хочешь сам себе веревку свить да намылить – регулировки поменять. С ума, что ли, сошел?

– Тайком можно, чтобы никто не видел. Да и не говорить никому, я-то знаю, куда отвертку сунуть, чтобы пломбы не повредить.

Мойшевич смотрит на меня и улыбается:

– Знаешь, Владик, я как-то раз во времена оные забрался в окно второго этажа, чтобы привязать рыболовной леской перо самописца. Мы гос. испытания проходили.

– Прошли?

– Прошли.

– Так что?

– Я уж по-стариковски на шухере постою.

Последний глоток пью за Натана Моисеевича, светлая ему память. Ему не довелось дожить до пенсии, через год после нашего триумфального возвращения с Черного моря он умер от инфаркта.

Я вспомнил то жаркое лето восемьдесят третьего, потому что двадцать с лишним лет так остро не испытывал тех же чувств страха и непонимания. Был путч в девяносто первом, Белый Дом в девяносто третьем, дефолт в девяносто восьмом, где нам с Инной нечего было терять. Вот и сейчас я не понимаю, что происходит. С одной стороны, факты – упрямая вещь, и есть вполне определенная корреляция между названием краски, которую купили мои клиенты, и их судьбой. Ведь нельзя же отмахнуться от того, что Lady Di врезалась на машине, как принцесса Диана, в опору моста, а Alpine Echo погиб в лавине в тех самых Альпах, а Turned Earth – от землетрясения в Перу, а Stormy Sea – утонул в Таиланде. И все эти типы вызвали во мне, если не омерзение, это уж слишком, то неприятие, брезгливость, чтоли. Да и не стал бы я их убивать. А если, действительно, все дело в вероятности, кому как повезет?

Свихнуться можно от ощущения беспомощности.

Ловлю себя на том, что глаза слипаются, и бреду обратно в постель. Утром Инна уходит рано, она в полседьмого ждет на углу развозку, а Хоум Центр начинает работу с девяти, поэтому мы по утрам не встречаемся. Какой идиот придумал, что «утро вечера мудренее»? Наверно, все-таки, мудрЕнее, ошибочка вышла. Могу ли я посоветовать кому-нибудь Summer Storm⁵⁸?

А если мой клиент возьмет, да и выбепет Thunderstorm⁵⁹?

Придет ко мне, скажем, депрессивный элемент и купит Silk Knot⁶⁰.

Повеситься гражданин может запросто после такого выбора. Умрет ли Mt. Smokey⁶¹ от рака легких, вот в чем вопрос? Пойдет ли на дно Atlantis⁶² вместе со всей семьей? Сгорит ли осенью дом, окрашенный в Autumn Ashes⁶³?

Поскольку сегодня воскресенье, то меня ждет на обед фаршированная ветчиной пита, а не алюминиевый подносик с обедом из инниной столовой. Ночью я слегка переусердствовал, поэтому крепкий кофе совершенно необходим. Однако общая заторможенность организма идет на пользу, лениво двигаю плавниками по квартире. После легкого завтрака спускаюсь вниз и обхожу вокруг гнедой. Ничего подозрительного не замечаю. Хотя на работу ехать мне всего минут пятнадцать, выхожу я по старой автобусной привычке за полчаса. Если задерживаюсь, то срабатывает какой-то странный внутренний триггер, и я начинаю нервничать. Непонятно почему. Пятнадцать минут – это еще с небольшим запасом, а если светофоры зеленые, то дорога занимает всего десять. Когда я работал в охранной фирме, такая предусмотритель-

⁵⁸ Летняя гроза

⁵⁹ Гром и молния

⁶⁰ Шелковый узел

⁶¹ Дымящийся вулкан

⁶² Атлантида

⁶³ Осенний пепел

ность была оправдана, потому что за опоздание даже на минуту срезали четверть часа. Но в Хоум Центре такого нет, платят строго за отработанные часы, а привычка осталась. Сегодня мне, напротив, хочется почему-то потянуть время. Я осторожно выезжаю из грубо оштукатуренного стойла между столбами и останавливаюсь у тротуара, чтобы пропустить соседей. Они в знак признательности, что я их сегодня не задавил, делают мне дежурный взмах рукой.

У первого же светофора меня встречает нервная какофония клаксонов, и я в очередной раз радуюсь, что наш ангар находится на выезде из города, и основная пробка стоит мне навстречу. Как всегда после первых дождей, перекрестки полны битого стекла, хрустящего под колесами. Каждый такой хруст воспринимаю, как будто я наступил на осколок босой ногой. Еду не торопясь, правда, и не слишком медленно, но все равно чувствую, что действую на нервы спешащим попутным водителям. Я могу не останавливаться у контрольной будки, но торможу и опускаю стекло, чтобы поздороваться с Феликсом.

Посередине разлинованного прямоугольниками пространства меня посещает мысль, что сегодня мне почему-то совсем не хочется парковать свою машину в дальнем углу. Надо сказать, что по негласному правилу сотрудникам не рекомендуется занимать места перед самым входом в наш ангар. Это из-за тех самых посетителей, которые удавятся за место в первом ряду. Мне в первый ряд не надо, поэтому выбираю место отдаленное, но с обзором, чтобы из дверей гнедую было видно. Всегда приятно входить с улицы в ангар. Летом он прохладен по сравнению со средней израильской температурой, а зимой у нас теплее, чем снаружи. Но сегодня ангар, вместо приятного утреннего тепла, обдает меня затхлым ощущением нежилого помещения. Впрочем, может быть, эта затхлость всегда присутствует по воскресеньям, когда включают вентиляцию после субботнего выходного.

Полное освещение включается ровно за минуту до открытия, а пока между полками царит полумрак, и бродят тени моих сотрудников. Работники, бравируя своей избранностью, гордо проходят мимо ранних покупателей, переминающихся возле дверей. В воскресенье утром не покупают краску. Оживление у меня наступит лишь к концу недели, когда сподручнее делать ремонт. Парочка каталогов-вееров поджидает меня около смесительной машины, но сегодня мне не хочется играть в цвета. Хочется прикрыть глаза, когда ярко вспыхивают лампы после нескольких сполохов беспорядочного мерцания.

Мои мысли крутятся вокруг Марио: кто он, откуда взялся? Пытаюсь представить его по памяти: несколько узкое лицо, еще более сужающееся к подбородку; светло-каштановые волосы, короткая, но не слишком, стрижка; серые глаза; обычное такое, ничем не выделяющееся лицо человека, которому можно дать от тридцати до сорока пяти. Рост около ста семидесяти, фигура скорее скорее худощавая, чем плотная. Одет в черные брюки и белую рубашку, и еще на нем была жилетка. На номер его «Мазды» я, конечно, не обратил внимания. Портфель коричневой кожи, что он бросил под стол, был весьма даже потрепанный. И ни телефона, ни адреса.

Напрасно я сегодня надеялся на благословенные воскресные утренние часы отдыха. Забастовка школьных учителей внесла свои коррективы в размеренное течение жизни, и прямо с открытием магазина в мою епархию вторгается живописная парочка. Хорошего ничего не жду, поскольку видел их на стоянке. Мать лет сорока с дочкой-подростком поставила свой джип напротив входной двери на месте для инвалидов. Знака принадлежности к инвалидам, естественно, никакого нет. Тяжеловесность фигуры – намного выше средней, но последней моде на низко сидящие обтягивающие портки следует неукоснительно. В дочке уже видны материнские гены: и в комплекции, и в выборе одежды. Сразу понимаю, что покупать ничего не собираются, а притащились исключительно ради каталога-веера. Задача перед ними стоит, прямо скажем, не легкая – выбрать цвета для стены с облаками. Дохода мне с таких клиентов никакого, одна лишь головная боль. Сую им в руки веер, и ретируюсь в самый дальний угол, чтобы сами все выбрали да убрались побыстрее.

После получасовых дебатов мамка начинает с надеждой бросать взгляды в мою сторону. Еще три дня тому назад я с гордостью ждал, когда наступит мой звездный момент – меня попросят помочь в выборе краски. А сегодня мне не в радость любимое развлечение, я отдаю себе отчет в том, что мне совсем не симпатичны эти покупатели, и я не хочу иметь с ними дела.

Дочка явно взяла бразды правления в свои руки. Поскольку комната ее – она и хозяйка. Вот только опыта маловато, ну а с нахальным молодецким напором у нее все нормально. Мне предлагается одобрить ее выбор, а я не знаю что мне и делать. Я боюсь Mermaid Flower⁶⁴, я никак не могу рекомендовать North Wind⁶⁵.

Я шарахаюсь от Heaven's Gate⁶⁶, как от самого черта. Little Girl Blue⁶⁷ звучит как будто невинно, но кто знает, какой смысл может крыться за таким названием, потому что завтра кто-нибудь вроде Стивена Кинга напишет новый триллер, и моя юная клиентка очутится посреди жестокой сексуальной драмы.

Советую покрасить стену в Cloud Wisp⁶⁸ в надежде, что не найдется какой-нибудь гадости за кадром. Соглашаются – теперь дело за цветом облаков. Ну до чего богатый у нас выбор – душа радуется. Можно посоветовать: Piano Keys⁶⁹, Milky Way⁷⁰, Swan Wing⁷¹.

Я чувю непосредственную опасность только в Ash White⁷². Но кто может поручиться, что Sky Cloud⁷³ не встретится где-нибудь на пути в Турцию, и дребезжащий чартер не рухнет в море. Девочка-таки выбирает Sky Cloud – практически наверняка из-за слов в сочетании: «Sky» и «Cloud». Уже на выходе, расставшись с веером, она вспоминает, что еще одну стену в комнате надо разрисовать розовыми сердечками. Процесс повторяется по-новой, потому что розовых цветов тоже хоть отбавляй: Single Petal⁷⁴, Lilac Mist⁷⁵, Fairyland⁷⁶.

Можно насчитать добрую сотню розовых цветов, я не преувеличиваю. Кончается розовая радуга жизнеутверждающим Healthy Glow⁷⁷, за которым следует Sunbaked⁷⁸, который я по понятным причинам советовать не могу. Останавливаются они на Inca Red⁷⁹.

Никакой дурной ассоциации в голову не приходит, кроме того факта, что инки канули в лету. Интересно, чем же их привлекло название Inca Red? Почему не Remember Rose⁸⁰ или Cactus Berry⁸¹?

Мне лично подошла бы совсем нейтральная Terracota⁸² – было бы гораздо спокойнее. Не нравится мне Sky Cloud. Не могу сказать, почему, но не нравится – и все.

⁶⁴ Цветок русалки

⁶⁵ Северный ветер

⁶⁶ Небесные врата

⁶⁷ Маленькая девочка

⁶⁸ Дымка

⁶⁹ Клавиши рояля

⁷⁰ Млечный путь

⁷¹ Лебединое крыло

⁷² Пепельно-белый

⁷³ Небесное облако

⁷⁴ Одинокий лепесток

⁷⁵ Лиловый туман

⁷⁶ Сказочная страна

⁷⁷ Здоровое сияние

⁷⁸ Иссушенный солнцем

⁷⁹ Королевский красный

⁸⁰ Мемориальная роза

⁸¹ Плод кактуса

⁸² Терракота

Когда они уходят, я смотрю им вслед и вижу тяжело трудящиеся ягодичные мышцы, перемещающие тела по направлению к выходу из ангара. С некоторого расстояния две фигуры настолько похожи, что маленькая напоминает матрешку, вынутую из большой. Мне начинает казаться, что я попал в один из фильмов Феллини, настолько сюрреалистична картина.

Я принимаюсь наводить порядок в подведомственном царстве: поправлять криво висящие кисти, подравнивать пушистые ряды валиков. Я представляю, что не шаловливая рука посетителя нарушила стройные ряды моих подданных, а сами они, не выдержав очередной субботней скуки, устроили в отсутствие монарха маленький дворцовый путч. У меня на глазах разворачивается забавный мультик, в котором спрятавшаяся между полками девочка просыпается субботним утром и не может выбраться наружу. Она, естественно, пугается и начинает плакать, и тогда все вокруг оживает: ведра поют и пляшут на полках и машут шляпами-крышками, кисти окунаются в краски и начинают рисовать чудесную сказку.

В ней носящий кроваво красную-мантию (забудьте о подбое) злобный король по прозвищу Red Devil⁸³ живет в темно зеленом замке Arboretum⁸⁴. Его юная дочь Little Angel⁸⁵ с нежнейшим персиковым личиком влюблена в простого юношу по имени Aztec⁸⁶, живущего в доме из красного кирпича. Девушку днем и ночью охраняет бледно-зеленое чудовище Bean Sprout⁸⁷.

Aztec посылает свою верную сову по имени Night Owl⁸⁸ во дворец, чтобы передать Little Angel записку с планом побега. Верный королю, закованный в стальные доспехи, рыцарь Gray Knight⁸⁹ перехватывает записку и приказывает наемному убийце Pale Amparo⁹⁰, носящему ботфорты изумрудного цвета, уничтожить юношу. Но добрый волшебник Old Lamppost⁹¹, никогда не снимающий свой знаменитый маренговый плащ, дарит Aztecу волшебное заклинание Blue Spell⁹² в виде голубого шарфа, при помощи которого юноша побеждает коварного рыцаря и его приспешников. Теперь ему остается перехитрить чудовище Bean Sprout. Aztec надевает темно-синий Blue Ribbon⁹³ и становится невидимым. Он пробирается в замок и похищает принцессу. Им помогает старый слуга Lazy Phlox⁹⁴ с фиолетовым от постоянной дегустации королевского вина носом. Они прыгают на легкий розовый плот Floating Petal⁹⁵, и темно-серая мрачная река Feather River⁹⁶ несет их прочь от замка. Начальник стражи с каменным лицом цвета грозы по кличке Quarry Pebble⁹⁷ возглавляет погоню за беглецами. На реку плотной светло-серой завесой спускается волшебное облако Sky Cloud. В сплошном тумане корабль преследователей налетает на темный утес River Rock⁹⁸ и разбивается в щепки. Quarry Pebble с командой головорезов камнем идет ко дну.

⁸³ Красный дьявол

⁸⁴ Питомник для растений

⁸⁵ Маленький ангел

⁸⁶ Ацтек

⁸⁷ Фасолевый побег

⁸⁸ Ночная сова

⁸⁹ Серый рыцарь

⁹⁰ Бледный Ампаро

⁹¹ Старый фонарный столб

⁹² Голубое заклинание

⁹³ Синяя полоска

⁹⁴ Ленивый флокс

⁹⁵ Плывущий лепесток

⁹⁶ Река в Сакраменто

⁹⁷ Булыжник

⁹⁸ Речной утес

Сказка кончается тем, что Aztec и Little Angel играют свадьбу: им светит солнце яркими лучами Amber Light⁹⁹, им поет волшебная фиолетовая птица Paradise Bird¹⁰⁰, Evening Breeze¹⁰¹ наполняет алые паруса королевской яхты Coralline¹⁰², на которой они уплывают навстречу своему счастью.

Sky Cloud. Не зря мне мерещился какой-то подвох с этим названием. Теперь-то я понимаю его истинный смысл. Вот только что я могу поделаться? На чем основана моя неприязнь к моим утренним посетителям? На их безвкусице в одежде? Или на том, что они могут позволить себе купить дорогой навороченный джип? А может, это мое благородное негодование, что они нагло заняли предназначенное для инвалидов место?

А не наплевать ли тебе, Шпильман, на все это? Какое тебе дело до того, кто твои клиенты? Ты даже не знаешь, соберутся ли они вообще перекрашивать стены, уже не говоря про Sky Cloud.

Что же мне теперь предпринять? Записывать имена покупателей и просить номерок телефона, чтобы потом проверить, что с ними случилось? Если мне показать чью-нибудь фотографию, то я легко могу вспомнить, что у меня купили, или что я посоветовал. А так, безо всего, я безусловно не смогу восстановить по памяти своих клиентов за все время работы. Или уже начать записывать?

А что, если Sky Cloud уже добавлен к моему послужному списку? Внять совету Марио и переквалифицироваться обратно в охранники? Так что же мне делать: продавать краски или проситься в другой отдел? А если Марио ошибся, и я не Продавец Красок, а просто Продавец? Украдет кто-нибудь, скажем, электрическую лампочку, а она возьми и сделай ему короткое замыкание, пожар в доме, в котором еще и жена, и двое детей... Хорошее получается наказание за мелкое воровство, посильнее будет, чем руку на площади рубить.

Мои мысли постепенно возвращаются к Марио, к последней его фразе, которую он бросил перед тем, как мы расстались. Как он сказал, «...вы с легкостью можете его убить...» Убить за нахальство, за наглость, за мелкое воровство, за грубость... Убить за то, что мне кто-то не нравится, за плохое настроение, за депрессию, за похмелье, за ссору с женой...

Люди придумали вероятность... Придумали принцип неопределенности... А нормальному человеку хочется, с одной стороны – невероятности, а с другой стороны – определенности. У меня же вообще полный кавардак в голове образовался: и невероятность, и неопределенность.

Еще вчера любимая игрушка и предмет поклонения – веер – вызывает отвращение и тревогу. Пока нет покупателей, я иду прогуляться по ангару. Практически все мои коллеги заняты одним и тем же – наводят порядок после пятничного нашествия. Для всех остальных пятница – это желанный день отдыха, когда можно пробежаться по магазинам, а для нас – нашествие гуннов. Но делать нечего, именно в пятницу и по вечерам мы и зарабатываем себе на пропитание. Бесконечные ряды полок десятиметровой высоты. Тысячи, десятки тысяч разных вещей-товаров, ждущих своей участи. Стоп-стоп... Или это вещи с легкостью могут определить участь своих новых хозяев?

Почему противный бледно-розовый Grandma's (глупая шутка продавца) вылечивает, а благородный кремовый Sleepy Pink, не имеющий ничего общего с пошлым розовым, приводит к тому, что и в могилу класть нечего? Каким образом блеклый никчемный Infant Smile, чуть более оранжевый, чем Grandma's, приносит счастье, а один из красивейших темных розовых оттенков, спокойный и нейтральный Berry Wine – летальный исход?

⁹⁹ Янтарный свет

¹⁰⁰ Райская птица

¹⁰¹ Вечерний ветерок

¹⁰² Коралловый

Sky Cloud – один из самых интересных цветов. В нем угадываются оттенки серого, голубого, фиолетового. Он будет играть в зависимости от освещения, от времени дня. Может быть, у моей юной ничего не купившей покупательницы не такой уж плохой вкус. Или взять братьев Давиди: моя идиотская насмешка над Дани с этим голубеньким Kind Sky против очень насыщенного красивого и богатого серого Crushed Rock, убившего его брата Давида.

Невероятность и неопределенность...

На обед меня ожидает сюрприз – пита-маритима. Инна постаралась. В салат «Маритима» входят мелко порезанные соломкой ветчина, твердый желтый сыр, свежий и соленый огурчики, приправленные майонезом и капелькой дижонской горчицы на кончике ножа. Рецепт мы позаимствовали в Эстонии в одноименном ресторане: после обеда мы спустились в бар и из меню на эстонском языке смело заказали по коктейлю «Маритима». Каково же было удивление, когда официант положил перед нами по небольшой трезубой вилке на длинной ручке, после чего принес бокалы, в которых вместо фирменного напитка находился означенный салат. Мы переглянулись, рассмеялись и заказали пива, – что нам оставалось делать, не показывать же публично, что дурные русские туристы не понимают чухонского языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.